

ЕЛЕНА ДРАГУНОВА

**Федор Ливин:
загадки жизни и судьбы**

Историческое ^и исследование

г. Южно-Сахалинск
2019

САХ

ББК 63.3(2)53-8+63.3(2Рос-4Сах)

Д 72

Драгунова Е.

Федор Ливин: загадки жизни и судьбы : историческое исследование / Е. Драгунова. – Южно-Сахалинск : КорКи'С, 2019. – 139 с.

Данное издание является итогом исторического исследования Елены Драгуновой и отражает точку зрения автора. Ее интерес к биографии тюремного зрителя Федора Ливина был продиктован в первую очередь личными мотивами. Изучая родословную своей семьи, она обнаружила, что ее двоюродная прапрабабушка Агафья Васильевна Пашкеева была женой Федора Ливина. Этот факт дал автору импульс для исследования истории Сахалина в XIX веке и судеб людей, с ней связанных.

Книга очерков о Ф. Ливине и его потомках, ставшая итогом обширных архивных изысканий, адресована широкому кругу читателей, всем, кому хотелось бы углубить свои знания о периоде сахалинской каторги.

Электронная версия: <http://ys-citylibrary.ru/>

© Елена Друнова, текст, 2019

© Оригинал-макет Центральной городской библиотеки имени Олега Павловича Кузнецова МБУ «Южно-Сахалинская централизованная библиотечная система», 2019

От редакции

В истории сахалинской каторги Федор Никифорович Ливин – смотритель Рыковской, а затем Александровской тюрем был одной из самых колоритных и в то же время одиозных фигур. Общественное мнение об этом человеке было неоднозначным, а как персонаж книги А.П. Чехова «Остров Сахалин» он стал объектом пристального внимания исторической науки, в том числе, разумеется, сахалинских исследователей.

С одной стороны, это был ревностный служака тюремного ведомства, который провел на острове девять лет и, несомненно, как сказали бы сейчас, «эффективный менеджер». С другой стороны – жестокий тюремный смотритель, «имевший сильное пристрастие к розге».

Ф. Н. Ливин не просто не оставил без внимания чеховский нелюбезный отзыв о нем, но ответил известному писателю – своими «Записками сахалинского чиновника» с приложением документов, показывавших его роль в жизни каторжного острова, хотя и с некоторым преувеличением своих заслуг. Как бы то ни было, но он был личностью неординарной, подвижником в таком непростом деле, где показал навыки хорошего управленца и организатора по обустройству быта сахалинских каторжан. Так что неудивительно, что и его дети проявили себя людьми талантливыми – каждый в своей сфере.

Сама жизнь Ф.Н. Ливина могла бы стать сюжетом для приключенческого романа, в том числе и в послесахалинский период, когда его бракоразводный процесс с женой Агафьей Васильевной растянулся на четверть века, до конца его дней, и был отягощен нераскрытым убийством.

В книге Елены Драгуновой в центре внимания автора находится биография Ф. Н. Ливина, а также судьбы трех его наиболее выдающихся потомков – сыновей Владимира (архитектора) и Павла (лингвиста), внесших заметный вклад в развитие Приморского края, а также внука Павла Митта, военного летчика.

География жизни Ливиных была весьма обширной: Полтава, Владивосток, Сахалин, Шанхай, Нью-Йорк. За давностью лет и сложностью судеб героев книги далеко не на все вопросы

были найдены ответы. История жизни зрителя Ливина и его семьи оказалась весьма запутанной, не обо всех ее членах удалось найти исчерпывающую информацию, в ней еще много «белых пятен», разночтений и нестыковок, которые предстоит разгадать.

Если дальневосточный период жизни Ф. Н. Ливина и его сыновей исследован и описан местными историками достаточно подробно, то обстоятельства его жизни в Полтаве оставались без внимания исследователей. Елена Драгунова убрала данный пробел, широко используя для этого в том числе материалы судебных процессов. Читая информацию из судебной хроники, читатель, вероятно, ощутит атмосферу и нравы ушедшей эпохи, повлиявшие и на становление своеобразной личности Федора Ливина.

Автор проделала большую работу, собирая по крупицам материалы для своего исследования в архивах и в библиотеках. Были выявлены и введены в научный оборот ранее неизвестные документы, а также региональные издания вроде херсонской газеты «Юг», в редакции которой Ф. Н. Ливин трудился в последние годы своей жизни. Среди уникальных выявленных источников – письма американской подданной Элеоноры Прей, касающиеся судьбы Павла Митта.

Краеведческое просвещение, поиск и издание новых материалов по истории Сахалина и Курильских островов является одним из постоянных направлений деятельности Южно-Сахалинской центральной городской библиотеки имени О. П. Кузнецова. Ознакомившись на просторах интернета с творчеством Елены Драгуновой, библиотекари посчитали необходимым поддержать ее сахалинские изыскания изданием подготовленных ею очерков. Не так много российских исследователей, тем более с материка, проявляют в последнее время интерес к прошлому Сахалинской области, как оно того заслуживает. Такой взгляд издалека на «дела давно минувших дней» особо интересен.

Елена Драгунова родилась в г. Уфе. С 2012 года занимается исследовательской работой по истории освоения и развития Дальнего Востока. Живет в Москве. Публикуется на сайтах Православие.ру, Проза.ру.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ФЕДОР ЛИВИН

Глава первая ЛУЧШЕЕ – ВРАГ ХОРОШЕГО

Федор родился в 1845 году в семье полтавского мещанина Никифора Ливина. Едва ему исполнилось 7 лет, он был вынужден покинуть отчий дом на Кобыщанах и проделать трудный путь длиной в тысячу километров. Несмотря на то, что в Полтаве был открыт Петровский военный корпус, Федора отправили учиться в Псков в полубатальон военных кантонистов. Неизвестность пугала его больше всего. Покидая отчий дом, он осознал, что вряд ли вернется в утопающий в зелени платанов любимый двор и снова увидит матушку и отца. А по воскресным утрам его не будет будить запах печеных ватрушек – шедевр его незаменимой няни.

Военное заведение, в которое он был зачислен, больше напоминало сиротский приют из неорганизованных подростков разных сословий, национальностей и возрастов. В 1852 году в нем училось более двух тысяч детей военнослужащих, солдатские сироты и даже несколько десятков цыган. Частые наказания кантонистов и непомерная строгость педагогов обостряли в Федоре Ливине чувство одиночества. Чтобы избежать наказаний, он старался заслужить одобрение у начальства, но чем больше старался угодить старшим, тем сильнее осознавал свое бессилие. От чрезмерного усердия Федор допускал ошибки, а это

мешало ему доводить дело до совершенства. Чрезмерное стремление быть лучше других постепенно развило в юном кантонисте чувство перфекционизма, временами доводившее его до полного иступления.

Здание учебного заведения кантонистов не вмещало и половины учеников. Управляющий полковник М. К. Адлерберг, частенько злоупотреблявший властью, не придумал ничего лучше, чем распустить большую часть подопечных на постой по окрестным деревням и селам, тем самым предоставив учащимся возможность самим заботиться о своем пропитании.

В результате жители попавших под раздачу деревень с говорящими названиями – Гнилище, Кресты, Бутырки – молили всевозможные инстанции избавить их от воровства и мародерства воспитанников. «Такое разбросанное расквартирование совершенно парализовало надзор начальства и привело к тому, что некоторые роты совсем не имели обмундирования, кантонисты не являлись в училище по невозможности выйти без одежды из отдаленных деревень. Кормили еще хуже, или, лучше сказать, кантонистам, особенно живущим вне здания, по деревням, была предоставлена полная самостоятельность в отыскании себе пищи. Воровство развилось в ужасающих размерах, и жители деревень, в которых помещались кантонисты, просили как манны небесной, чтобы их освободили от поста этих «мародеров»¹. Так, в преодолении житейских проблем проходила учеба Федора Ливина.

¹ От гарнизонной школы к военной гимназии // Кадеты России. URL: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1701_1918/1883_1918/pskov/history.htm. (дата обращения: 06.08.2019).

Псков. Кадетский корпус.

Но время шло своим чередом, и к 1858 году Псковский полубатальон был реорганизован в училище Военного ведомства, так что Федор Ливин стал выпускником не полубатальона кантонистов, а Псковского военного училища. По традиции в ноябре 1859 года училище посетил император Александр II, лично поблагодарил начальника за службу и подарил училищу икону святого князя Гавриила Псковского, а 22 декабря того же года Федор Ливин был произведен в унтер-офицеры и направлен в Санкт-Петербург для службы сигнальником в Телеграфном ведомстве.

Надолго задержаться в городе на Неве ему не удалось, и в конце 1861 года он был направлен из Санкт-Петербурга за десять тысяч километров на Нижний Амур, в далекий Николаевск. Причиной тому послужило открытие в том же году на Телеграфной улице в специально

Здание Санкт-Петербургской главной телеграфной конторы.

построенном здании первой на Дальнем Востоке телеграфной станции.

Николаевск тогда только зарождался, численность населения города едва превышала две тысячи человек. Острая необходимость в специалистах побудила Телеграфное ведомство в тот же год открыть первую на Дальнем Востоке школу телеграфистов, во главе которой стоял Дмитрий Иванович Романов, инженер-полковник, основатель Амурского телеграфа. Легендарный Романов лично готовил к работе первых учеников. Под его руководство и поступил юный сигналист Федор Ливин.

Первым местом службы Ливина стало селение Михайловское. Изначально Амурский телеграф предназначался военному порту Николаевска, но, несмотря на дорожную

услугу, местные жители быстро нашли ему применение. После открытия станции Телеграфное ведомство выделило месяц для проведения телеграфной линии между Николаевском и Михайловским. Размытые грязью дороги, болота и заросли тайги оказались большим препятствием для работ. Из-за нехватки рабочих рук по особому указу Дмитрия Романова начали привлекать все доступные рабочие силы, включая казаков и крестьян.

В начале 1860-х годов Приамурье было почти безлюдным, и набрать в помощь людей в разбросанных по окраинам селах и станицах было непросто. Основанные первыми переселенцами села только начинали подниматься, многие крестьяне не пережили первую зиму, и каждый работник был на вес золота. Телеграфному сигнаlistsу Федору Ливину предстояло ознакомиться с местом и постараться привлечь к работе как можно больше людей.

Михайловское было самым большим и людным селом, да и обустроено лучше других. Если судить по аккуратному расположению домов, по внешнему виду села, расположившегося на горе и разделенного оврагом на две половины, крестьяне в Михайловском устроились лучше других. Обеспеченные гарантирующими достаток льготами, они выстроили теплые добротные дома с надворными постройками. Многие расчистили прилегающие леса, завели пашни, раскопали огороды и не первый год торговали в Николаевске картофелем и другими овощами, несмотря на то, что расстояние до города было почти полтораста верст.

В Михайловском соорудили большую и вместительную церковь в честь Архистратига Михаила, а по распоряжению первого военного губернатора Приморской

области П. В. Казакевича в 1859 году в селе была построена миссионерская школа на единовременно собранные по подписке 1000 рублей, специально для гилияцких (нивхских) мальчиков. В исторических документах она значилась как «наиболее замечательная школа, существовавшая на Амуре». При просторном, высоком Михайло-Архангельском храме параллельно строилась церковноприходская школа для русских детей. «Крестьяне живут в довольстве, едят сыто и сладко. Все другие крестьянские селения малы и напоминают зачатки будущих больших сел (таковы в особенности Ново-Михайловское, Воскресенское и Иркутское). Все они расположены один от другого в замечательно равном расстоянии в сорок верст»¹.

Несмотря на удаленность от центра России, селение Михайловское не раз было описано известными людьми того времени. Путешествовавший по Амуру художник Е. Е. Мейер в 1857 году в своих письмах отметил, что недалеко от Михайловского (мыс Поворотный) гилияки строят свои лодки, т. к. здесь имеется крупный и годный лес. Выявлено здесь и месторождение угля.

Ливин добрался до Михайловского после полудня. Дорога заняла много времени, и нужно было подумать о ночлеге. Подъехав к селу, он увидел группу крестьян, работавших на берегу Амура напротив одного из домов. Они устанавливали снасти из обычных жердей с привязанными к ним на веревочках толстыми железными

¹ Восточные окраины России. Приморская и Амурская области // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб : М., 1895. 470 с.

Место расположения селения Михайловское.

крючками, без всякой приманки. Это основное и любимое занятие крестьян – рыбная ловля. Рыбы настолько много, что ловится на голые крюки. Еще они любят перегораживать легкими сваями какую-нибудь небольшую речку, впадавшую в Амур, и тогда ниже изгороди, в небольшом омуте, скапливается множество мелкой рыбы, которую едят безотлагательно, тогда как крупные породы, пойманные в самом Амуре, часто солят.

– Здравствуйте, земляки! – обратился к сельчанам Ливин. – Вот, ищу где приютиться на ночь.

– Да где же вам приютиться, господин? Лучше всего у старшины Василия Андреевича или Ионы Васильева.

– А почему у них?

– Да все у них останавливаются. Мужики они богатые, дома у них добротные, да и кушанья готовят господские.

Дом Василия Андреевича Пашкеева стоял рядом с

храмом на самом взгорье. Старшая дочь Евдокия в прошлом году вышла замуж за дьякона Василия Васильевича Сизых и жила с мужем отдельно. Встретила Ливина юная дева Агафья, средняя дочь хозяина. Она ввела гостя в дом, усадила в светлице на лавку и вышла за отцом во двор. Федор осмотрелся кругом. Высокая изба разделена сенями на две половины. Прекрасно выбелены стены и потолок, чистый крашенный пол, выкрашенные колоды, подоконники, рамы, заборка – все светлое и чистое. В кути – белоснежная русская печь, а между печью и стеной американский умывальник. На покрытом скатертью столе в бронзовых подсвечниках стояли стеариновые свечи.

Пашкеевы приняли Ливина радушно, натопили баню и накрыли на стол. Все как полагается. Беседа за столом была долгой. Говорили о новостях, о том, как начинали с нуля, о трудностях переселения. Сколько пришлось пережить мужичкам, даже представить трудно. За спиной отца стояла Агафья и внимательно слушала рассказы. Иногда она отвлекалась, и, несмотря на сумерки и тусклое освещение, Федор чувствовал на себе ее пронзительный взгляд. Ему трудно было представить, как эта хрупкая девочка в пятилетнем возрасте проделала невероятный путь на плотах по Шилке, а затем по Амуру, преодолевая порой смертельно опасные участки великой непокоренной реки.

Селения Михайловское, Иркутское и Богородское были основаны в 1855 году семьями первых переселенцев из Иркутска и Забайкалья, прибывшими на Нижний Амур третьим отделением второго сплава под руководством князя Михаила Сергеевича Волконского. Этих ис-

тинных пионеров не остановила тяжесть еще не опробованного пути. История освоения ими диких земель с годами сложилась в легенду и передавалась из уст в уста, из поколения в поколение.

Левый берег Амура тогда был почти безлюдным. Лишь вблизи реки Зеи, ниже по течению, располагались маньчжурские, даурские и дючерские селения. На месте села Богородского стояло небольшое ульчское стойбище Тенча, что на русском языке означало «люди, живущие за поворотом».

Перед правительством стояла задача заселить недавно присоединенные к России земли русскими крестьянами. Началась кампания, обещавшая землю обетованную и убеждавшая народ в том, что «через 10–15 лет по Амуру протянется золотая цепь цветущих колоний»¹. Народ поверил, что «на Амуре реки текут медовой сытою, в кисельных берегах: бери ложку и ешь!».²

29 апреля 1855 года 35 барж и плоты со скотиной двинулись по Шилке, а затем по Амуру. Командовал сплавом полковник М. С. Корсаков. Под его руководством переправлялся сводный казачий полубатальон, а также научная экспедиция под руководством Ричарда Карловича Маака, организованная Сибирским отделением Русского географического общества. С ними отправили небольшое количество иркутских и забайкальских крестьян в виде пробной партии.

Сохранилось письмо генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева от 29 ноября 1854 года к

¹ Венюков М. И. Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 гг. // Русская старина. 1879. № 1. С. 81–112; № 2. С. 267–304.

² Там же.

военному губернатору Забайкальской области П. И. Запольскому, в котором он сообщает, что из отобранных Запольским 50 семей он выбрал 22 семьи, а остальные поручил избрать чиновнику особых поручений Михаилу Сергеевичу Волконскому. Генерал-губернатор писал: «...А как избранные к переселению (в том числе пять семейств (47 человек) из Иркутского округа) последуют до пристани на реке Шилке на обывательских подводах, то Ваше превосходительство не оставите сделать зависящее распоряжение, как о приготовлении нужных для следования переселенцев лошадей, так и о внушении жителям тех мест... чтобы они сооказывали возможное к успешнейшему следованию переселенцев содействие»¹. В 1855 году переселили первые 50 крестьянских семей из Забайкальской области и Иркутской губернии.

Окончивший гимназию с золотой медалью Михаил Волконский, сын сосланного в Иркутск декабриста, был принят Муравьевым на службу чиновником по особым поручениям и отправлен на переговоры с китайскими начальниками по амурским вопросам. Несмотря на то, что он был самым молодым чиновником в России, Муравьев доверил ему сплав переселенцев.

Михаил Волконский лично беседовал с каждым из крестьян и, учитывая состояние их здоровья, а также материальную обеспеченность и количество рабочих рук, отобрал 51 семейство, а точнее 481 человека (271 мужчина и 210 женщин). Передвижение осуществлялось за счет казны, крестьян снабдили хозяйственными предметами и дали по 50 рублей на семью, а еще освободили от рекрут-

¹ ГАЗК. Ф.1. Оп.1 общ. Д.15859. Л.142–143.

ской повинности. Сверх того, им был оставлен сплавленный скот, пожертвованный иркутским купцом Пермяковым: 136 лошадей, 217 голов крупного рогатого скота, 92 овцы и достаточное количество домашней птицы.

Михаил Волконский готовился к сплаву в течение зимы 1854/55 года: закупил продовольствие, табак, свинец, порох, оконное стекло, весы и т.д. Переселенцы были всем обеспечены. Все было продумано до мелочей.

Но, несмотря на это, сплав происходил в жутких условиях. Началось передвижение во время весеннего паводка. Река разлилась, и по этой причине постоянно возникали препятствия. Амур не был исследован. Проведенные в Амурской области знаменитые экспедиции Маака, Миддендорфа, Максимовича и других принесли пользу в области научных исследований, но обработка собранных во время экспедиций материалов затянулась на годы. Труды экспедиций зачастую появлялись в недоступной для людей форме, на немецком или английском языках. Некоторые труды издавались на протяжении десятков лет, их авторы заслужили степени, получили признание за границей, но их слава и достижения никак не отразились на тяжелой жизни простых людей, столкнувшихся со стихией дикого Амура лицом к лицу. Если наши прадеды знакомились с коренными народами – удэгейцами и гиляками – в реальной повседневной жизни, то ученые изучали их по останкам. Так, в Берлинском университете у Вирхова можно было увидеть коллекции черепов гиляков с Амура, которых не имели российские университеты, даже Московский.

В середине мая вода спала, одни баржи садились на мель, а другие уносило далеко вниз по течению. Кре-

стьяне плыли на 12 баржах. Баржами называли четырехугольные некрашенные тяжелые ящики, при каждом порыве бокового ветра они устремлялись к берегу, срываясь с шестов. И здесь, на широком, торжественно-спокойном Амуре они садились на мель, и все 15–20 человек должны были с криками лезть в воду и с большими усилиями сталкивать ее с мели. Иногда на это уходили целые сутки, а иногда, сойдя с одной мели, баржа садилась на новую...

Скотина плыла на отдельных плотках. А сено сплавляли отдельно от скота. Делали так, чтобы не причаливать лишней раз к берегу и плыть быстрее. Сено развозили на лодках, и часто невозможно было доставить его на плоты со скотом. Скот начал падать от голода. До Албазина пало 280 голов, остальных животных удалось спасти только благодаря тому, что баржи причаливали по ночам к берегу и скот выпускали пастись на берег. По пути баржи преследовали «огромные стада крупного морского зверя белухи, наводя ужас на переселенцев...»

Хорошие погодные условия, горячая пища, свежие овощи, чай и водка не спасли людей от тифа. При переселенческом отряде были врач и фельдшер. Только благодаря их предприимчивости из большого количества заболевших тифом умерли только двое.

Места для поселения были выбраны заранее Г. Невельским по приказу Н. Н. Муравьева-Амурского. Но Михаил Волконский выхлопотал разрешение дать крестьянам возможность самим выбрать место для поселения. Двадцатилетний юноша поставил первые села на Амуре: Савинское, Богородское, Сусанино... Одно из

этих сел генерал приказал назвать его именем. И уже на следующий 1856 год с момента основания села Михайловского в нем возвысилась просторная, красивая Михаило-Архангельская церковь.

Амур в этих местах очень широк. Только пресная вода напоминает о том, что это река. Ее волны долго не успокаиваются от устойчивых, холодных, продолжительных ветров, которые дуют здесь большую половину года по нескольку суток подряд, а густые туманы создают свой, особенный влажный климат. Неисследованные места и незнание климата сделали свое дело: разливы Амурского моря затопляли поля и деревни переселенцев, сносили избы, стога сена, рушили все, что было выстроено и выращено с такими усилиями. Амур вытеснял крестьян, и они, спасаясь от воды, были вынуждены переносить свои села выше. На расстоянии 400 верст между Усури и Хинганом из 12 сел шесть были совершенно оставлены жителями, четыре перенесены на новые места, и только два остались на первоначальном месте.

К наводнениям добавились продолжительные проливные дожди. Они отнимали последние надежды на урожай. От них страдали не только люди, но и скотина. Выросшая на сухих степных пастбищах, она ходила среди высокой сочной травы болотистых лугов и возвращалась домой голодная и еще более отощавшая. Множество скота погибло, пока по истечении времени не образовалась особая порода, приспособленная к местным условиям.

Переселенцы прибыли на назначенные места лишь осенью, когда не было возможности вырастить корм для скота. Поэтому большое количество привезенной из

Забайкалья живности было съедено зимою, другая подохла, и к весенней пахоте скотины почти не осталось.

В первое время селились в землянках и плетенных из хвороста мазанках, плохо защищавших от ветров и холода. Избы строили даже из плотов, на которых сплавляли скотину. Среди жителей начались тяжелые болезни, такие как оспа и даже тиф. Вследствие лишений, отвратительных гигиенических условий, антисанитарии и врачебной беспомощности болезни приняли массовый характер. В первую зиму была сильная смертность, особенно среди детей. Тот рай, о котором они мечтали, собираясь на Амур, для многих из них через несколько месяцев по прибытии обратился в могилу. Сохранились данные о том, что в 1856 году в Усть-Зейском посту из 100 казаков умерло 29 человек. Из крестьян, поселенных на одном из островов Нижнего Амура, уцелел только один человек. Все остальные умерли от тифа.

Дорог не было, из-за этого поселки оказывались совершенно изолированными друг от друга. Продукты питания завозились сюда лишь раз в год. Переселенцев неспроста отбирали по состоянию здоровья. Перенести трудности пути и обоснования на новом месте мог далеко не каждый. Земля была дикой, заросшей лесами и кустарником. Чтобы превратить ее в плодородную долину, нужно было выкорчевать леса и поднять целину, а часто еще и осушить от болот.

«Недостаток средств, болезни, усиленная смертность, в особенности между детьми, падеж скота – вот неизменные спутники, сопровождавшие переселенцев, приходивших часто нищими и разоренными в новые места поселения, где тотчас же приходилось браться за уси-

ленную работу по домообзаводству и обработке нетро-нутой земли», – писал в своей книге приамурский гене-рал-губернатор Унтербергер¹.

И ко всем этим трудностям прибавлялись новые. Тучи мошек (гнуса) напоминали настоящую египетскую казнь. Это трудно было выносить не только людям, но и животным. Спасаясь от тьмы насекомых, животные бро-сались иногда в горящие костры.

На долю первых поселенцев ложились и государствен-ные повинности. Например, они обязаны были достав-лять лес для казенных и общественных нужд по занижен-ной цене, а также брать на себя плату за сплав казенного груза, подводную перевозку почты и чиновников.

«Почему-то с первого же года водворения русских селений на Амуре там не были устроены хотя бы не-большие почтовые станции. Возка почты и курьеров была возложена на жителей, которых это отрывало от работ по устройству хозяйства и, следовательно, разо-ряло... Будь на каждом посту хоть по три лошади и по три человека, это дало бы возможность возить почту и курьеров – если не верхом, то бичевою на лодках, го-раздо скорее, чем на людях бичевою же. Да и немед-ленно были бы набиты вдоль берегов кратчайшие тро-пинки от одного селения к другому, а у самой реки хоть какие-нибудь бичевники»².

Но жизнь продолжалась, заключались браки, рож-дались дети. На выделенные правительством ресурсы строили в селах церкви и школы.

¹ Приморье в период развития капитализма в России (1861-1890 гг.) // Очерки истории со-ветского Приморья. Владивосток, 1963. Гл. IV. URL: <http://dvforpost.su/glava-iv-primore-v-period-gazvitiya-kapitalizma-v-rossii-18611890-gg.html> (дата обращения: 06.08.2019).

² Венюков М. И. Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 гг. // Русская стари-на. 1879.

Нередко история села связана с его местоположением. Недалеко от Михайловского возвышается скала Тыр, Амур несется мимо нее с поразительной быстротой. Возле Тыра ходят стада крупного морского зверя белухи (разновидность кита), семга, горбуша, огромные сомы... Места здесь глубокие, сильные и холодные ветра дуют сутками без перерыва. Не каждый казенный пароход может противостоять им и зачастую оказывается прибывшим к берегу сильными волнами. Тем более прибывает к берегу почтовые, пассажирские и купеческие лодки. Одним из совершивших незапланированную остановку был катер преосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского.

Сохранились воспоминания современников: «16 июля 1860 года около 9 часов утра пароход Амурской компании «Граф Муравьев-Амурский» на обратном пути из Благовещенска подходил к селению Богородскому. Несмотря на крепкий, порывистый и противный ветер, бойкий пароход быстро летел вперед и уже поравнялся с нижним концом селения, как какой-то человек, стоявший на берегу возле небольшого катера, сильно качаемого волнами, поднял высокий шест с белым платком. Командир парохода понял сигнал, дал к берегу и остановил машину. К пароходу подплыла лодка со священником, который от имени преосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского, просил взять на буксир катер Его Преосвященства, уже несколько времени стоявший у селения Богородского за противными ветрами и страшным волнением реки. Через несколько минут катер архиепископа, привязанный к пароходу, быстро помчался вниз по реке.

Около 12 часов пароход бросил якорь у села Михайловского. Раздался звон колоколов: архипастырь, сопровождаемый своей свитой и почти всеми пассажирами парохода, отправился в церковь. На обратном пути оттуда Его Преосвященство зашел в одно здание лучшей наружности, чем другие, окружающие его здания. Отворилась дверь... Стройный хор из нескольких детских голосов пропел гимн: «Днесь благодать Святого Духа нас собрала». Здание, в которое зашел преосвященный, было гиляцкое училище; дети, пропевшие гимн, были гиляцкие мальчишки-христиане, воспитывающиеся в этом училище»¹.

Такая богатая событиями история сложилась у селения Михайловского за недолгие семь лет с момента основания. Разросшееся рядом с храмом кладбище свидетельствовало о пережитом. Только в семье Пашкеевых в первую зиму умерло от болезней 7 человек.

Слушая Василия Андреевича, Ливин невольно думал о серьезных намерениях этих, казалось бы, простых мужиков. Было в них что-то особенное, понуждающее на смелый поступок, на подвиг. Они не боялись работы, лишений и смерти. И смелость передалась по наследству их детям, в том числе и этой решительной яснолицой девочке, стоявшей возле отца и жадно ловившей каждое его слово.

Агафья была еще совсем ребенком, с ясным живым умом и глубоким пытливым взглядом. В ней было что-то необычное – то, рядом с чем все долгие рассказы Василия Андреевича и предстоящие трудные работы с

¹ Г. В. Смерть католического миссионера Де-ля Брюньера в 1846 г. // Амур. 1860. – 27 дек. (№ 52). URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/G_V/text1.htm (дата обращения: 06.08.2019).

телеграфом, и все житейские проблемы и неурядицы, сопровождавшие Федора с детства, казалось, уходили на задний план, растворились в голубых глазах, в которых отражался свет стеариновых свечей. Рядом с ней почему-то все становилось неважным.

Эта встреча положила начало любви Федора Ливина и Агафьи Пашкеевой, а телеграф, на котором служил молодой человек, послужил средством связи влюбленных. Чувства сотрясали телеграфные провода, протянутые из Николаевска в Михайловское, претворяясь в азбуку Морзе: «Я Вам пишу тире и точкой...».

Здесь стоит на время остановиться и сказать, что стоимость услуги для частного лица из Николаевска в Михайловское была 1 рубль 50 копеек за первые двадцать слов и 50 копеек за каждые последующие десять слов. Услуга весьма дорогая. Чтобы уберечь семью от разорения, Василий Андреевич Пашкеев дал свое согласие на брак.

Свадьбу сыграли 15 февраля 1864 года, через два года после знакомства и ухаживаний. Венчание состоялось 15 февраля 1864 года в храме Архистратига Михаила селения Михайловского при стечении народа из соседних селений и даже из Николаевска. Пашкеевы устроили праздничный пир. Отец Александр Литвинцев сделал запись в метрической книге:

«15.02.1864 г. Жених Приморской области Восточной Сибири Амурскаго Николаевскаго телеграфа сигналист Феодор Никифоров Ливин, православнаго вероисповедания, первым браком, 26 лет.

Невеста той же области Ново-Михайловскаго селения крестьянина Василия Андреева Пашкеева дочь, девица

Агафия, первым браком, православного вероисповедания (возраст – текст утрачен. – **Прим. авт.**)¹.

Поручители: Михайловского селения крестьяне Павел Алексеев Соколов, Иван Максимов Вершинин, Влас Косьянов Простакишин, Гордей Яковлев Упоров».

Молодоженам построили добротный дом в селении Богородском. Василий Андреевич дал за Агафьей большое приданое. 25 марта 1865 года у Ливиных родилась первая дочь – Любовь. Через четыре дня ее крестили в храме Архистратига Михаила, и восприемниками стали николаевский купец 2-й гильдии Алексей Егорович Иванов и жена священника Михаило-Архангельской церкви Александра Петровича Литвинцева Калерия Прокопьевна, в девичестве Пашкеева.

А сам Федор при крещении дочери уже значился не просто сигналистом, а Приморской области Восточной Сибири селения Богородского сигналистом Амурского телеграфа. Это свидетельствует о том, что он стал полновластным хозяином в доме. Дальнейшая судьба дочери Ливиных неизвестна. Видимо, она не выжила.

В преддверии перевода главного порта из Николаевска во Владивосток в 1865 году семья Василия Андреевича Пашкеева в полном составе перебралась в Приморье на судне «Гиляк» под руководством капитана Шкота. Рядом с Владивостоком Василий Андреевич с двумя ходаками основали село, которое в честь капи-

¹ Найден только один документ, по которому можно определить возраст Агафьи. К сожалению, текст в записях Метрической книги о возрасте утерян. В переписи Владивостока за 1883 год (<https://rgiadv.ru/rabota-s-polzovatelyami/publikatsiya-dokumentov/k-155-letiyu-goroda>) возраст Агафьи – 32 года. По нашей версии, она родилась в 1851 году. Другой информации пока нет. А что касается Ф. Ливина, то согласно записям в Метрической книге жениху 26 лет. Возможно, он добавил для солидности себе возраста. В Послужном списке год его рождения – 1845-й.

тана назвали Шкотово. Пашкеев так и значится до сих пор первым жителем села¹.

Жизнь Агафьи полностью зависела от службы Федора Ливина. Им пришлось нелегко. Вторая дочь Евгения родилась в 1870 году. Федор Ливин в то время служил в Телеграфном ведомстве. В 1872 году появился на свет сын Георгий, а 18 декабря 1873 года Ф. Н. Ливин получил направление в штат Санкт-Петербургской полиции. 4 октября 1875 года он был произведен в коллежские регистраторы, а в 1878 году в семье Ливиных родился сын Владимир. Местом рождения Владимира указан Владивосток, где Федор Никифорович находился в то время на службе. Ливин тогда числился в артиллерийском ведомстве на Санкт-Петербургском окружном артиллерийском складе Кронштадтской и Владивостокской крепостной артиллерии. 4 октября того же года Федор Ливин был произведен в губернские секретари. В 1881 году Федора Никифоровича Ливина произвели в коллежские секретари и в том же году во Владивостоке в семье родился последний ребенок – Павел².

Жизнь во Владивостоке в корне изменила судьбу Федора Ливина. Устав от постоянных переездов с детьми по месту работы мужа, Агафья решила остаться жить рядом с родителями. Детям нужны были постоянный дом и хорошее образование. Непростой характер мужа, завышенные требования к окружающим и весьма заметная его нервозность стали одной из причин разрушения семьи.

¹ Родословная первого жителя с. Шкотово Василия Андреевича Пашкеева / Ковальков А. П., Горчаков А. А. // Записки клуба «Родовед». Владивосток, 2004. Вып. 11. С. 3-49.

² По-видимому, у Ливиных было больше детей, чем пишут историки. Старшая Любовь рано умерла. Следующим ребенком была Елизавета Федоровна, в супружестве Митт. Дальше – Евгения, Георгий (о нем ничего не известно), Владимир и Павел.

Но карьера его при всем этом складывалась весьма успешно: приказом по Министерству внутренних дел с 16 июля 1884 года Ф. Н. Ливин назначен смотрителем Дербинской тюрьмы, а 4 октября того же года произведен в титулярные советники. К этому времени Агафья Ливина со всеми детьми, согласно переписи населения Владивостока 1883 года, проживала в доме Карла Георгиевича Гольденштедта.

На этом история семьи Ливиных заканчивается, и начинаются истории двух, уже отдельных, судеб Федора и Агафьи, полностью противоположных друг другу, как две стороны одной медали.

Если жизнь Агафьи была наполнена событиями, заботой о детях и внуках, приемами в светском обществе, работой и отдыхом в прославившемся на весь Дальний Восток имении Новогеоргиевском, то жизнь тюремного смотрителя Федора Ливина была полна лишений и скорби. Он попал в систему сахалинских тюрем в самом зрелом и плодотворном возрасте, когда появляются большие возможности, и человек достигает пика своей карьеры. Оставшись один, без семьи, Ливин погрузился в тюремную жизнь, которая стала смыслом его существования почти на десять лет.

Глава вторая
ТЮРЕМНЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

*Смотритель Рыковской тюрьмы,
господин Ливин – сочетание
ни с чем несообразное и необъяснимое.
(А. П. Чехов. «Остров Сахалин»)*

Пенитенциарная система оказывает сильное влияние на развитие политики, культуры, социальных и естественных наук любой страны. История России не может быть правильно понята и глубоко изучена без учета истории тюрем и ссылок. Если Великобритания для заселения осужденных использовала Австралию, а Франция Новую Каледонию, то в России испокон веков основными местами ссылки были Сибирь, Крайний Север и Сахалин.

На протяжении XIX века в России произошли серьезные социально-политические перемены, и в определенной степени на это повлияли тюрьмы. Большую роль в культурных и научных исследованиях удаленных от Центральной России территорий сыграли политические ссыльные. Они привезли с собой знания и совершили прорыв в области таких наук, как антропология, биология, ботаника, геология, социология. И даже при строгом контроле арестантской почты, когда ссыльные не могли свободно писать о себе, они часто описывали традиции аборигенов, их быт и культуру поведения, а также свои наблюдения за климатом, растительным и животным миром. Ярким примером этого является деятельность политического ссыльного Б. О. Пилсудского, изучавшего айнов, нивхов и эвенков. 6 декабря 1896 года по указу военного губер-

натора Мерказина в посту Александровском был создан первый краеведческий музей, и Б. О. Пилсудский принял активное участие в формировании его коллекций.

В то же время простые арестанты во время ссылки создали целый индустриальный мир: шахты, железные дороги, мосты, сооружения и т.д.

Важную роль в жизни острова играли чиновники тюремного ведомства: начальники тюрем, надзиратели, а также медперсонал и просто канцелярские служащие. Целая система жила и работала по особым правилам. При этом все они оставались обычными людьми, привязанными по долгу службы к местам ссылок, в которых отбывали наказание самые опасные преступники. Их жизнь была полностью связана с жизнью тюрьмы. И далеко не всегда служба на острове была результатом их личного выбора. Многие из них получили назначение против своей воли и морально были не подготовлены к таким жизненным испытаниям.

Архивные материалы середины XIX века свидетельствуют, что «хорошему человеку достаточно пробыть три дня в остроге, чтобы окончательно испортиться <...>. Тюремные смотрители <...> не только ничем не заинтересованы блюсти за нравственным улучшением доверенных им людей, но большей частью неспособны даже к этой роли: ничтожное жалование в 185 рублей в год, не обеспечивая даже жизненных потребностей человека, естественно, заставляет все помыслы обращать к тому, каким образом выгадать что-либо из арестантских ассигнований»¹.

¹ Кистяковский А. Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления. Киев, 1879. С. 6.

Остров Сахалин представлял собой изолированное от центральной России замкнутое пространство. Между ним и материковой частью России была географическая и культурная пропасть, заставлявшая и администрацию тюрем, и ссыльных ощущать, что они сосланы в иной мир, мир без цивилизации, живущий по каким-то своим, зачастую диким и варварским законам. Но была в местах ссылок и другая система, с иными установленными правилами и законами. Они были намного суровее государственных, потому что устанавливались людьми, исходившими из собственных интересов.

Сосланные на «Остров изгнания» со всей России самые безнадежные преступники обычно оседали на Сахалине до конца своих дней. Со временем, укоренившись на острове, они составили большую часть местного населения. В свою очередь над ними установилась хорошо организованная уголовная власть, своего рода каторжная структура: «майданщики», «иваны», «жиганы», «храпы», «хамы», «шпанка» (ростовщики, главари, вымогатели, игроки в карты и т.д.), которую в свою очередь пытались контролировать государственное тюремное ведомство. Внутри уголовного мира строго соблюдалась установленная иерархия. На особом положении находились «майданщики» – торговцы спиртным и самыми ходовыми товарами у заключенных. Они были неприкосновенны. Следующими были «иваны», иначе – воры в законе. Это были генералы всего преступного мира. «Жиганы» – обычные воры-рецидивисты, за ними низший разряд уголовников.

С начальниками тюрем у арестантов были свои особые отношения, которые складывались по-разному. На-

Арестантский Сахалин.

падения на начальников сахалинских тюрем были привычным делом. Так, в 1883 году был убит смотритель тюрьмы Селиванов. «Селиванов убит за крайне бесчеловечное обращение со своими подчиненными, ссыльно-каторжными людьми, выразившееся в немилосердном поронии их плетью, розгами и назначении на непосильные для человека работы»¹. А в августе 1886 года смотритель Александровской тюрьмы Ш. Г. был ранен ножом осужденным Качуровским.

На смену раненому Ш. Г. срочной телеграммой был вызван из Рыковской тюрьмы тюремный смотритель

¹ Нико-Ники 2-й. Дуэ. // Владивосток. 1884. 26 фев. (№ 9). С. 3–4.

Федор Ливин. Для охраны Ливина начальник острова Гинце выделил двух вооруженных конвойных и предупредил, что в Александровской тюрьме сплотилась шайка уголовников, которая поставила себе целью убивать каждого чиновника, занимающего должность тюремного смотрителя. Ливин отказался от охраны. В сахалинских тюрьмах конвой бесполезен. Он не сможет защитить от вооруженных топорами и ножами убийц.

По прибытии в Александровскую тюрьму Ливин за ночь обошел все камеры и казармы, а утром посетил тюремный лазарет. Кого он там только не увидел: калек, гниющих больных, раздиравших свои глаза и раны. Эти ссыльные любыми способами продляли болезни, а врачи не могли оказать им медицинскую помощь, позволяя годами жить в лазарете. Оценив ситуацию, Ливин распорядился пошить специальные рубахи длиной до пят, с длинными рукавами. Прежде чем надеть такую рубаху на симулирующего больного, его руки складывали на верхней части живота одна на другую, а концы рукавов, дважды обмотанные вокруг талии, завязывали на спине. Во время приема пищи и естественных отправлений рубаху снимали. Такой наряд считался в тюрьме позорным и лишал возможности курить табак, поэтому быстро положил конец симуляции.

Для знакомства с тюрьмой новый тюремный смотритель собрал всех арестантов на площади. Требовательный к дисциплине Ливин ужаснулся при виде беспорядочной толпы осужденных, словно стадо баранов толкущейся в ожидании приказов. После долгих усилий он смог построить их фронтом и стал проходить по рядам, считая людей.

Один из каторжан достал папироску и закурил. На замечание зрителя он ответил: «Здесь вам не церковь, что нельзя курить!». Ливин приказал вывести его из строя и объявил тюрьме, что за нарушение дисциплины каторжанин будет наказан. Среди арестантов раздался ропот.

– Если хоть один из вас произнесет слово, он будет застрелен мною на месте! – предупредил Ливин.

Наказуемый получил на глазах у тюрьмы 30 ударов плетью, был закован в ножные кандалы и на три дня помещен в отделение подследственных каторжан.

Порка на людях была придумана Ливиним с момента его поступления на службу. Приступив в конце октября 1884 года к должности начальника Рыковской тюрьмы, он застал ее в жалком состоянии. Каторжане содержались в ямах под земляной крышей, без потолка и с земляным полом. Четыре крошечных отверстия напоминали окна, а спали они на досках, по типу нар. Эти «юрты» нагревались очагами, разложенными напротив отверстия в крыше, предназначенного для выхода дыма. При этом сырые землянки были заполнены едким дымом, к чему добавлялись холод, тьма и страшное зловоние. Арестанты, жившие в «юртах», были настолько грязны, что грязь сходила с их рук и лиц слоями, и почти все они были покрыты мелкими гнойниками и вшами.

Кухня, в которой каторжане варили пищу, находилась в небольшом ветхом балаганчике, не пропускавшем солнечный свет. Таявший во время варки снег на крыше вместе с паровыми осадками стекал в котел с пищей, отчего она напоминала жижу, негодную к употреблению.

За первую зиму Ливин построил для тюрьмы светлые кухню и хлебопекарню, а также баню, о которой катор-

жане и не мечтали. При бане устроили прачечную, а в кухне установили огромный железный куб с горячей водой и краном, по типу большого самовара. В новых казармах он не ставил решетки. В них не было необходимости, потому что сам по себе Сахалин был большой тюрьмой, из которой невозможно сбежать.

Положительную оценку Рыковской тюрьме дал А. П. Чехов в своей книге «Остров Сахалин»:

«Тюрьма в Рыковском новая. Построена она по типу, общему для всех сахалинских тюрем: деревянные казармы, камеры в них и нечистота, нищета и неудобства, свойственные этим предназначаемым для стадной жизни помещениям. С недавнего времени, впрочем, Рыковская тюрьма, благодаря некоторым своим особенностям, которых трудно не заметить, стала считаться лучшею тюрьмой во всем Северном Сахалине. Мне она тоже показалась лучшею... Смотритель Рыковской тюрьмы, г. Ливин, человек даровитый, с серьезным опытом, с инициативой, и тюрьма всем тем, что в ней есть хорошего, обязана главным образом ему.

К сожалению, он имеет сильное пристрастие к розге, которое уже однажды было ознаменовано покушением на его жизнь. На него, как на зверя, с ножом бросился арестант, и это нападение имело гибельные последствия для нападавшего. Постоянная заботливость г. Ливина о людях и в то же время розги, упоение телесными наказаниями, жестокость, как хотите, сочетание ни с чем несообразное и необъяснимое».

Каждый вечер после обхода тюремного смотрителя люди становились на молитву, а затем шли спать. Для хорошего молитвенного пения были избраны певчие каторжные, которые освобождались от других работ.

После вечерних молитв выделенный от каждой камеры староста приходил к начальнику тюрьмы в канцелярию и ожидал наряд для осужденных на следующий день. Затем Ливин слушал доклады надзирателей и давал им указания, после чего обходил все камеры и тюремные помещения.

Каждое утро в определенный час тюремный надзиратель будил каторжан. Они читали утренние молитвенные правила и пили чай, а затем по звонку выходили в тюремный двор и без единого звука выстраивались в общий фронт. Их старосты тихо становились на правом фланге, напротив этого фронта, на расстоянии 20–25 шагов выстраивались в шеренгу свободные надзиратели. Последним выходил смотритель, здоровался с тюрьмой, тщательно всех осматривал и отдавал приказы.

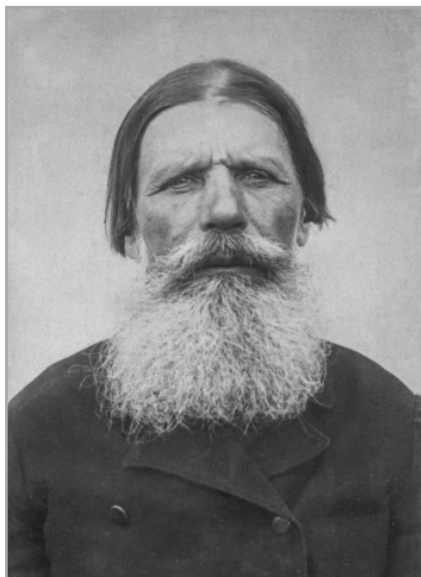
Для профилактики за проступки каторжане наказывались поркой. Кнут издавна служил орудием пыток и больше всего устрашал преступников. Еще перед введением судебной реформы 1864 года был проведен опрос Министерством юстиции, какое из орудий пыток более ужасающ – кнут или плеть? Ответ был однозначным: «...Кнут для простонародия есть предмет действительно наводящий ужас и даже на самих преступников... Самое наказание кнутом гораздо жестче, так как следы его на теле остаются неизгладимы, и даже по прошествии нескольких лет жизни преступников, что видно из бывших примеров по уголовным делам при свидетельствовании беглых, на коих находились знаки прежнего телесного наказания, а палачи могли различать по тем следам наказания кнутом от наказания плетьюми и другими орудиями»¹.

¹ ЦГИА Ф.1405. Оп.534. Д.279. Л.1.

Но даже кнут не устрашал сахалинских арестантов. Понимая, что мало кто из них боится физической боли и часто ради 300 граммов хлеба или нескольких папирос они готовы принять по 30 ударов, Ливин специально устроил смотровые парадные порки на глазах у всей тюрьмы. Многие каторжные говорили, что им лучше получить 100 ударов без свидетелей, чем 15 прилюдно.

Но еще больше открытых наказаний боялись поселенцы. При этом собирались все жители села, по несколько человек с каждой улицы, 700–800 каторжных выстраивались в ряд на смотрины с одной стороны фронта и с другой – несколько десятков домохозяев. Посередине площади стояла «кобыла», на которую укладывали осужденного, громко объявляли его проступок и начинали пороть. После этого наказанные поселенцы долго не показывались на глаза, чтобы хоть как-то избежать позора. И так как почти все поселенцы Сахалина были выходцами из каторжан и бродяг, они часто искали заступничества среди уголовной власти.

Под надзором Ливина в Рыковской кандалной тюрьме долгое время находился известный уголовник конца XIX века, один из самых опасных заключенных Сахалина Па-

Наумов – сахалинский заключенный, получивший 800 ударов плетью.

Щенко. В преступном мире он прославился тем, что убил 32 человека, но это только число жертв, которое смогли доказать. Он был одним из главных «авторитетов» каторги и почти всю ссылку провел прикованным к тачке под строгим надзором охраны. Но, несмотря на строгий контроль, Пащенко сумел сбежать вместе с Федором Широколовым. Хитрость их побега была в том, что они не стали скрываться от погони в тайге, понимая, что именно туда направят отряды солдат, а нашли укрытие в руднике, где их кормили и поили ссыльные работяги. Выдала место укрытия беглых привязанная на дереве у входа в рудник цветная тряпка, служившая опознавательным знаком.

Для задержания Пащенко конвоиры готовили масштабную операцию, но нашлись те, кто предупредил его, и он успел скрыться в соседнем Владимирском руднике. За поимку знаменитого убийцы начальство каторги назначило большое вознаграждение, к розыску приступили все, кто мог, включая поселенцев. Когда конвоир-осетин Кононбеков, бывший каторжанин, выследил и подстрелил Пащенко у входа в рудник, в кармане одежды арестанта нашли блокнот с записями. На последних страницах были записаны адреса и фамилии частных лиц в разных городах России, готовых оказать Пащенко приют после побега.

В Александровской тюрьме под начальством Федора Ливина в подследственном отделении находился один из представителей «неприкасаемых» Маркел Фалумов, внешне напоминавший маньяка. Все время, пока Фалумов находился под пристальным наблюдением Ливина, тот снабжал его золотушным табаком, сахаром и другими товарами, пользовавшимися спросом в тюремном мире.

Вместе с Фалумовым сидели осужденные за жестокие преступления рецидивисты Кирьян Блох, Лесников,

Харитонов, Калистов и другие, которые, как и Фалумов, были из числа «майданщиков» и «иванов».

Находясь внутри тюрьмы, они имели свои привилегии, их оковы были настолько свободны, что без труда снимались, а надевали они их только при приближении к камере начальства. У этого контингента ссыльных была особая пища за счет других каторжан, и они никогда не ходили на работы, потому что тюремные надзиратели боялись их.

Приступив к службе в Александровской тюрьме, Федор Ливин первым делом проявил свое неприятие уголовных законов. Сначала он заставил надзирателей перековать оковы, а затем налысо обрил всех «майданщиков» и «иванов». Уже на следующее утро их вывели вместе со всеми на работы. В ответ каторга приговорила Ливина к смерти.

4 августа 1887 года Ливин вошел в тюремную столовую. Подследственных каторжан в это время выводили на тюремный двор на послеобеденные работы. Ливин стоял в центре столовой, заложив правую руку за спину, возле деревянного опорного столба. Увидев его через приоткрытую дверь, рецидивист Кирьян Блох передал маньяку Фалумову нож, и тот с разбегу бросился на начальника тюрьмы. Со всей силы громила Фалумов налетел на Ливина и, прижав его к столбу, начал наносить ножом удар за ударом. Первый удар пришелся на левую руку чуть ниже плеча, следующий на верхнюю часть левого бедра и прошел почти до кости, остальные были направлены в грудь и в живот. Уловив долю секунды, Федор Ливин успел вынуть шашку и подставить эфес под удары Фалумова, что помогло ему освободиться из угла и выстрелить в маньяка из револьвера. После первого выстрела Фалумов пытался напасть на Ливина еще раз, но повторный выстрел оказался смертельным. Борьба

начальника тюрьмы с «майданщиком» Фалумовым была настолько бесшумной, что обедавшие арестанты ее даже не заметили. Выйдя во двор, Ливин почувствовал, как силы оставляют его из-за сильной потери крови.

Во дворе к этому времени выстроились флангом пообедавшие арестанты, готовые к отправлению на работы. При виде окровавленного Ливина в рядах ссыльных произошло волнение. Среди каторжан был политический ссыльный Иван Ювачев. Услышав крик в столовой, он решил, что зритель своими издевательствами опять довел до гнева голодную толпу, и народ взбунтовался. Но когда на крыльце показался истекающий кровью зритель с револьвером в руках, с блуждающими глазами и без шапки, Ювачев понял, что ему нужна помощь. Ливин сделал несколько неуверенных шагов вперед и опустился на землю. К нему подбежали солдаты с ружьями и надзиратели. Ювачев бросился помочь, желая остановить кровь, но вовремя вспомнил, что одет в арестантскую робу, и его движения могут неправильно истолковать. На крик прибежали фельдшер и доктор, они перенесли Ливина в его квартиру.

Каторжане затихли, ожидая прибытия начальника острова. В. Кононович не заставил себя долго ждать. Он быстро вошел в столовую, оценил ситуацию, увидел умирающего арестанта и вышел во двор. Окинув резким взглядом выстроенных в линию каторжан, генерал прокричал: «За такое надо вешать! Повешу!».

Возле истекающего от ран Фалумова не было ни фельдшера, ни священника. К вечеру он умер.

Судьба его сокамерника Кирьяна Блоха сложилась иным образом. Он был приговорен за одно из многих совершенных им убийств к ста ударам плетью. Блоху по-

везло, смертный приговор военно-полевого суда – казнь через повешение – заменили поркой и приковыванием к тачке. Такое послабление убийцам делали очень редко. Но мало кто мог выдержать и это.

Перед исполнением приговора Блох подошел к Ливину с просьбой сохранить ему жизнь. Исполнителем наказания был назначен правая рука Ливина, опытный палач Комлев. Чтобы отправить приговоренного в мир иной, ему достаточно было нанести 40 смертельных ударов. Кирьян Блох, раскаиваясь перед Ливиним в подстрекательстве Фалумова к убийству, умолял начальника тюрьмы простить его и лично присутствовать при казни: «Я виноват перед вами. Нам говорили, что вы очень строги и жестоко наказываете за малейший проступок».

По-видимому, Кирьян надеялся, что в присутствии Ливина Комлев не посмеет его убить. И не прогадал. Ливин своим прощением сумел расположить каторгу, что обеспечило ему временную безопасность, а Кирьян Блох остался жив.

Согласно утвержденным 16 февраля 1884 года «Правилам о назначении пенсий лицам тюремного ведомства, которые от умышленных действий арестантов получили увечья или неизлечимые болезни, препятствующие исполнению служебных обязанностей...» Ф. Н. Ливину полагалась полная пенсия. Но он не только продолжил службу на острове, но и принял решение остаться в той же тюрьме. Он решил доказать каторжным, что никакие угрозы и посягательства на жизнь не могут его запугать, и после выздоровления вернулся на прежнее место.

В 1893 году Федор Ливин вышел в отставку и вернулся в родную Полтаву, в родительский дом на Кобыщанах, в надежде спокойно провести старость. Но и здесь, в тихом провинциальном городке, жившем размеренной не-

торопливой жизнью, покой надворного советника Федора Ливина был нарушен преследованиями поверенных жены, собиравших информацию для бракоразводного дела. В результате этого в 1896 году Ливин направил письмо приамурскому генерал-губернатору С. М. Духовскому с просьбой вернуть его на службу. В письме он подробно описал многочисленные ошибки и упущения в работе сахалинской администрации и предложил свою помощь в их исправлении¹.

Но на Сахалин он больше не вернулся, а в 1897 году произошло убийство секретаря консистории Комарова, и Ливин оказался в гуще судебных событий.

Так получилось, что имя Федора Ливина на Сахалине связано не с нововведениями в виде построенных казарм, лазаретов, церкви и кухонь, не с чистотой и порядком, которыми особенно отличалась вверенная ему тюрьма. Историческая память Сахалина сохранила воспоминания о его жестокости, слабости к розгам и деспотичном характере, перечеркнувших все доброе, что он когда-то сделал. За деревьями леса не видно – гласит мудрая пословица. Поставив во главу угла внешний порядок, тюремный смотритель Федор Никифорович Ливин упустил свое главное назначение, ради которого прибыл на Сахалин. Конечной целью для него стала не забота об исправлении арестантов, не ответственность за судьбы находившихся в подчинении у него людей, а внешний порядок и чистота, достигаемые любой ценой. Даже ценой человеческой жизни.

¹ Латышев В. М. Ф. Н. Ливин – оппонент А. П. Чехова // VIII Чеховские чтения, 28 янв. 2005 г. Южно-Сахалинск, 2005. С. 12–14.

В современной жизни подобный тип человека отнесли бы к разряду перфекционистов. Раздражение и злость, возникающие в результате неспособности достигнуть идеального результата, усугубленные властью над подчиненными и полной безнаказанностью. Внешний порядок и дисциплина в тюрьме не соответствовали внутреннему состоянию арестантов.

Каторга не любила Ливина и каждый день ждала освобождения от него. Другой вопрос – любил ли сам Ливин каторгу? Да и мог ли тюремный смотритель дать ей то, что вряд ли имел сам? Можем ли мы спустя сто с лишним лет знать, что стало с душой тюремного смотрителя, который ребенком покинул отчий дом и оказался в гуще жестокой взрослой жизни. Смог ли он сохранить в душе те лучшие чувства, которые получил в детстве от опеки и заботы родителей. Ту любовь, которую горячо испытал в чистых порывах юности. Сохранить после того, как потерял любимых жену и детей и остался один, здесь, на «Острове изгнания», вдали от близких ему людей. Где каждый день был как последний и каждое мгновение тревожило неизвестностью перед будущим.

Сахалин. Арестанты.

Глава третья
**ГРОМКОЕ ДЕЛО
В ПОЛТАВЕ**

*Ливин, словом, своей уверенностью заразил и меня – я ему посоветовал непременно заявиться к следователю и выступить со своими соображениями и доказательствами на суде.
(Д. А. Иваненко. «Записки и воспоминания»)*

Знойным летом 1898 года в редакцию газеты «Полтавские Губернские Ведомости» вошел симпатичный, худощавый старичок невысокого роста с мягкими, предупредительными манерами, за которыми скрывалась повышенная нервозность. Чрезмерная аккуратность в одежде, красиво уложенные седые усы, характерные для сохранивших выправку отставных военных александровских времен, тщательно выбритый подбородок и излишняя подвижность сильно отличали его от обыденных размеренных полтавчан. Представившись надворным советником Ливиным, гость попросил ведущего журналиста газеты Дмитрия Иваненко о личной беседе.

Федор Никифорович Ливин недавно вернулся в родную Полтаву с Сахалина, где прослужил почти десять лет. Он предложил Иваненко опубликовать уникальные материалы о судьбах известных на всю Россию людей. Живые увлекательные истории о легендарных личностях, отбывающих срок наказания на самом отдаленном

от центральной части России тюремном острове, заинтересовали журналиста. Завязалась беседа, которая незаметно растянулась на несколько вечеров с чаепитиями и бесконечными историями о самом страшном месте ссылки. Дмитрий Иваненко отличался либеральными взглядами и проявлял интерес ко всему, что происходило в стране. По личному распоряжению губернатора Полтавы он издавал неофициальную часть «Полтавских Губернских Ведомостей» отдельным выпуском, что было для того времени большой редкостью. На страницах газеты Дмитрий Иваненко освещал главные события, и потому свежие истории Ливина вызвали у него повышенный интерес.

Ливин часами с упоением рассказывал о жестоком палаче Комлеве, душеспипательные истории о знаменитой Соньке Золотой Ручке, которую Ливин чуть ли

Супруги Иваненко.

не собственноручно порол, и жестоком маньяке Фалумове. Он не мог нахвалиться дружбой с Ландсбергом, бывшим гвардейским офицером, в свое время на шумевшим трагичной историей. Накануне свадьбы с дочерью генерала Раевского Ландсберг убил в Петербурге ростовщика Власова и был осужден на каторгу. Отбыв срок наказания, он остался на

Сахалине, женился и разбогател на торговле. По словам Ливина, «Ландсберг явился на Сахалине светлым лучом, прорезавшим беспросветную каторжную тьму, окутывавшую неописуемую дикость нравов, звероподобное существование, на фоне непробудного пьянства и тупого разврата»¹.

На Сахалине кроме отпетых уголовников отбывали свой срок и весьма образованные люди, попавшие на каторгу по политическим убеждениям. Ливин хорошо знал Бронислава Пилсудского, поддерживал отношения с Иваном Ювачевым (будущим писателем Миролубовым, отцом Даниила Хармса). Федор Никифорович лично принимал Антона Павловича Чехова во время его путешествия по Сахалину, после чего в своей книге «Остров Сахалин» Чехов дал ему жесткую характеристику. Так Ливин стал оппонентом писателя и опубликовал в «Тюремном вестнике» ответные пояснения. Писателю В. М. Гаршину Ливин послужил прообразом капитана Венцеля в его рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова».

Многие из бывших политических заключенных, переживших на острове самое страшное время своей жизни, после освобождения оставили о Федоре Ливине свои воспоминания. Только воспоминания эти были не лучшими. Если собрать все написанное о нем воедино, получится ужасающий рассказ о жестоком, деспотичном, не знавшем жалости человеке, любившем розги и телесные наказания больше всего на све-

¹ Иваненко Д. А. Свидетель по делу об убийстве Комарова Ливин // Записки и воспоминания. 1888–1908 / Д. А. Иваненко. Полтава, 1909. Гл. 26. С. 195–215.

те. Стремление Ливина вывести тюрьму на должный уровень граничило с нездоровой завышенной требовательностью к подчиненным, часто доходившей до жестокости.

Самым пронзительным рассказом Ливина была история его невероятно романтической, но несчастной любви к юной девице Агафье, о счастливом начале их семейной жизни и рождении детей. Внучка польского повстанца Андрея Пашкевича¹, Агафья воплотила в себе лучшие качества рода – редкое очарование и красоту. Ее энергии хватало не только на большую семью, но и на увлечение музыкой и живописью, чтение книг и неудержимую тягу к образованию. По словам Ливина, причиной разрыва отношений супругов явился недостаток на Дальнем Востоке красивых женщин. Агафью избаловали подарками и ухаживанием многочисленные поклонники. Особое внимание ей оказывали богатые немецкие предприниматели, в частности, представитель одной из самых крупных фирм – «Кунст и Альберс».

16 июля 1884 года коллежский секретарь Федор Никифорович Ливин получил назначение смотрителем Дербинской тюрьмы на острове Сахалин, что в корне изменило его жизнь. Есть основания полагать, что здесь не обошлось без помощи поклонника его супруги.

Согласно переписи населения в 1883 году в доме крупного мецената немецкого происхождения на Миссионерской улице города Владивостока проживала жена коллежского секретаря Агафья Васильевна Ливина с че-

¹ Андрей Пашкевич – участник польского восстания 1830 г. См.: Ливин Павел Федорович // Профессора Томского государственного педагогического университета : биографический словарь. Томск, 2005. С. 72–75.

тырьмя детьми, родной сестрой Александрой Васильев-ной Пашкеевой¹ и прислугой.

Хозяином дома, в котором жила Агафья Васильевна, был купец второй гильдии Карл Георгиевич Гольденшtedт. Начав карьеру в 27 лет чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири М. С. Корсакове, Гольденшtedт сразу открыл собственное дело и завел молочную ферму на Первой Речке, которая многие годы поставляла лучшие молочные продукты по всему Приморскому краю. В самом Владивостоке при музее Общества изучения Амурского края у него была цветочная теплица, а рядом со станцией Хилково к концу XIX века появилось молочное и птицеводческое хозяйство.

Карл Георгиевич
Гольденшtedт.

Карл Гольденшtedт был директором Владивостокского тюремного комитета, на Пасху 1905 года был награжден золотой шейной медалью с надписью «За усердие» на андреевской ленте, а 6 декабря 1908 года за заслуги по Тюремному ведомству – орденом Св. Станислава третьей степени.

Летом 1884 года, когда Федор Ливин получил назначение смотрителя тюрем на Сахалине, Карл Георгиевич подал прошение на имя императора Александра III, в котором попросил разрешения на усыновление принятых ранее «на воспитание детей, незаконнорожденных от жены губернского секре-

¹ Пашкевичи изменили фамилию на Пашкеевы до переселения на Нижний Амур в 1855 году. Основными причинами были жесткий надзор полиции за ссыльнопоселенцами и отсутствие государственных льгот. Как правило, если ссыльный поляк принимал православие, его семья считалась русской. В. А. Пашкеев женился на русской Т. И. Васильевой и принял православие.

таря Агафьи Васильевны Ливиной, ее сыновей: Георгия, Павла и Владимира, а также дочери Евгении»¹. Прощение было удовлетворено с условием сохранения детьми православного вероисповедания и российского гражданства.

Забегая вперед, скажем, что Карл Георгиевич исполнил свое обещание и дал всем приемным детям самое лучшее образование и воспитание, насколько это было возможно. А также сделал их полновластными наследниками. Единственное, что ему так и не удалось, – это оформить брак с Агафьей.

Для оформления нового брака согласия императора оказалось недостаточно. Самым трудным было получить разрешение на развод от Полтавской духовной консистории, по месту жительства Ливина. Из-за длительной службы Ф. Н. Ливина на Сахалине дело затянулось, а после его выхода в отставку и возвращения домой оно получило новый резонанс.

С 1894 года этим вопросом занимался секретарь Полтавской духовной консистории А. Я. Комаров – ярый противник бракоразводных процессов. Комаров не обращал внимания ни на высокие чины разводящихся, ни на предлагаемые взятки. Именно сопутствующие разводу проблемы и стали истинной причиной появления Ливина в редакции «Полтавских Губернских Ведомостей».

Вернувшись в отчий дом в Полтаве после длительной службы на Дальнем Востоке, Федор Ливин решил провести здесь остаток жизни. Небольшой уютный мало-российский город, в котором он родился и где у него не

¹ Мизь Н. Г. Созидательная энергетика загадочного Де-Фриза. URL:<http://www.domocenter.ru/press/blog/sozidatel'naya-energetika-zagadochnogo-de-friza>, свободный (дата обращения: 18.06.2018).

осталось ничего, кроме дома на Кобыщанах, пришлось ему по душе своими высокими тополями и платанами, размеренной жизнью, теплым климатом и мягким говором доброжелательных полтавчан.

Если бы не трагедия, произошедшая с Комаровым, от которого во многом зависела судьба Ливина, все было бы хорошо. Был то роковой случай или злая воля судьбы, преследовавшая Федора Никифоровича с раннего детства, но 14 июля 1897 года отстаивавший его интересы Комаров был найден мертвым в канаве, а само преступление нашумело на всю страну и навсегда вошло в историю судебной практики.

Как только было обнаружено тело Комарова, Федор Никифорович Ливин поспешил к Дмитрию Иваненко и рассказал, что тот занимался его бракоразводным процессом, был против развода и что убили его не попавшие под подозрение братья Скитские, а поверенные его жены, появившиеся в Полтаве

незадолго до убийства. Они изучили весь город, обили все пороги в консистории и неоднократно приходили на квартиру к Ливину. Они постоянно следили за ним, так

Спустя полтора часа, эксперты вынесли следующее единогласное решение:

«Смерть Комарова произошла от удавления его веревкою. Предшествовала ли этому борьба — определять невозможно, так как следов ее на трупе не усматривается. По этому должен остаться без ответа вопрос о томъ, сколько времени продолжалась борьба.»

А. Я. Комаров † 14 июля 1897 г..

«Въ удавлении Комарова участвовало болѣе чѣмъ одно лицо, и веревка брошена была на его шею при жизни, при чемъ вѣроятнѣе всего, что убійцы сначала затягивали концы этой веревки и завязали ее концы только»

А. Я. Комаров

как хотели его «устранить». Федор Ливин убедительно и подробно объяснил Иваненко, что при убийстве Комарова был применен старый и давно знакомый ему «сибирский способ устранения препятствий», после чего журналист договорился о даче Ливиным показаний на суде.

А. Я. Комаров был человек молодой, с сильной волей, настойчивый и прямолинейный. Он считался только с самим собой и был довольно безжалостным к служащим.

Комаров родился в семье священника в селе Ивановском Калужской губернии. К 24 годам сделал блестящую карьеру: окончил Калужское духовное училище, духовную семинарию, Московскую духовную академию (1891), в том же году стал кандидатом богословия и даже, исследуя тему «Соединение англиканской церкви с православной», выезжал за границу, где временно исполнял обязанности псаломщика придворной церкви королевы Вюртембергской в Штутгарте. В 1894 году Комаров получил назначение на должность секретаря Полтавской духовной консистории, а в 1896 году стал титулярным советником и был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

Полтавская консистория.

Комаров в одиночку пытался реорганизовать консistorию и был нетерпим к чужим проблемам. За короткое время службы он уволил более 40 старых служащих, чем мгновенно нажил себе врагов.

Убийство произошло, когда Комаров возвращался из консistorии привычной дорогой на свою дачу, примерно в 3–4 часа дня, в пяти минутах ходьбы от дома, где его ждала к обеду жена. В этот день она случайно не вышла навстречу к мостику, как делала это ежедневно, и, прождав до 5 вечера, отправилась в поисках мужа пешком в Полтаву. Но в консistorии Комарова не было, у знакомых тоже. За один день женщина прошла мимо лежавшего в кустах у дороги тела мужа пять раз. А утром 15 июля она опять отправилась в Полтаву, чтобы сообщить о пропаже.

Тело пропавшего без вести главы Полтавской консistorии пролежало почти двое суток у самой дороги, а полицейские розыски так ни к чему и не привели. Обнаружили его не чиновники и даже не полицейские, а болтливые сороки, поднявшие крик, сидя на ветвях дерева, под которым лежало тело. Было это рядом с проезжей дорогой из Полтавы в деревню Терновщина, в которой находилась дача Комарова. На самом деле дача, на которой проживал Комаров, принадлежала профессору Николаю Васильевичу Склифосовскому, заботливо предложившему на лето главе консistorии свои апартаменты.

У дороги полицейские нашли разбитые золотые очки Комарова, в четырех шагах от тела валялся старый бесхозный картуз, а еще через два шага – белая измятая соломенная шляпа жертвы. В левом наружном кармане пиджака лежал нетронутый заряженный револьвер, а на

шее Комарова была крепко затянута веревка, закрученная тройным узлом и цинично завязанная в красивый бант. Полицейские обнаружили вытоптанное преступниками место, где они поджидали жертву, валявшиеся в траве куски объединенной булки, огрызки московской колбасы да недопитую бутылку водки.

При тщательном осмотре места преступления следственные власти обнаружили фуражку консисторского сторожа, но так как его алиби было железным, фуражку признали лжеуликкой, подброшенной преступниками, чтобы запутать следы. По соображениям следственных властей фуражку сторожа связали с работниками консистории. Подозрение в убийстве Комарова пало на братьев Скитских, подчиненных Комарова. Один из них был в плохих отношениях с жертвой, мало того, он отказался вместе с другими служащими искать пропавшего начальника.

Комаров был гарантом брака Ливина. Вопрос о том, кто займет место погибшего и чем закончится бракоразводный процесс, беспокоил Федора Никифоровича больше всего. Убедив Иваненко в необходимости дачи показаний на суде, Ливин с трепетом ожидал судебного заседания. Все эти дни рядом с ним находился его друг, бывший смотритель Дуйской и Воеводской, а также Полтавской тюрем А. С. Фельдман. Он специально приехал из города Херсона, где жил после отставки.

Тихая провинциальная Полтава, утомленная невыносимой жарой, была погружена в повседневную спячку. На ее утопавших в зелени улицах не слышны были крики торговцев, а на обожженных солнцем площадях не было привычной городской суеты и оживленности. Лишь стояли переполненные разморенными от жары чиновниками

здания городских ведомств да бесцельно передвигались по пустынным улицам ленивые полтавчане. Здесь годами ничего не происходило. И вдруг – непредвиденное. Убит секретарь консистории Комаров, а его убийцы – обычные люди, чья жизнь неразрывно связана с жизнью горожан.

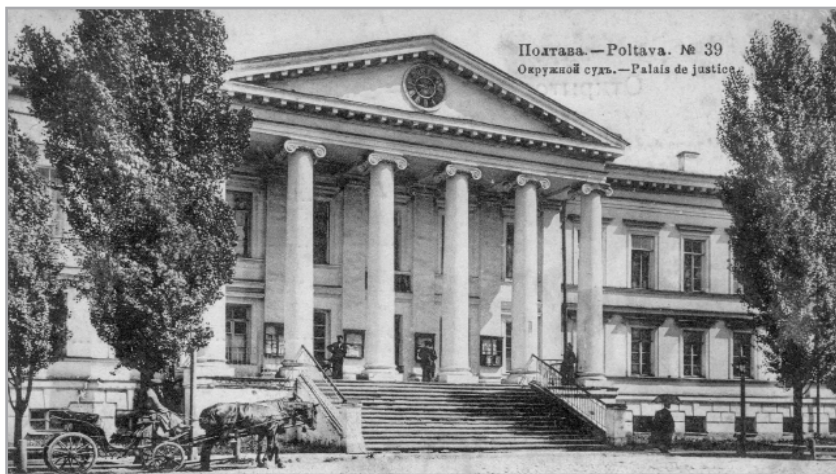
Вид Полтавы.

Смерть Комарова потрясла город. Загадочность убийства пробудила в скучающих полтавчанах болезненное любопытство. Начавшийся в зале суда оправдательный приговор, а вскоре последовавший за ним и обвинительный, вышел за стены судебной палаты и стал достоянием всего города.

С каждым днем интерес к делу братьев Скитских возрастал. На улицах лишь о них говорили. Каждый ощущал себя важным свидетелем, знавшим что-то особенное, о чем другие и не подозревали. Каждый старался активно принимать участие в уличных обсуждениях. Дворник видел жертву в день его смерти, продавец булочной видел жену Комарова на следующий день в городе. Нашлись

свидетели покупки братьями Скитскими московской колбасы у продавца Кацоры. Трудно было встретить на улице хотя бы одного человека, не пытавшегося пролить свет истины на расследование. Поток смешанной информации, сопровождавшийся вымыслами, ухищрениями и байками, отяготил судебный процесс.

Наступило 19 марта 1898 года. Третий день громкого процесса, горячих разбирательств в душном, переполненном людьми зале. Казалось, люди забыли о своих проблемах и думали лишь о том, пойдут Скитские на каторгу или останутся на свободе. Наконец судебная палата с участием сословных представителей открыла слушание дела о коллежском асессоре Степане и канцелярском слугителе Петре Скитских, обвиняемых в убийстве из мести секретаря консистории и своего начальника Алексея Комарова.

Полтава. Окружной суд.

Зал заседания переполнен до отказа, публика проходила только по специальным билетам. Около 80 свидетелей, среди них преосвященный Илларион, епископ

Полтавский, вся духовная консистория, множество духовенства. Свидетелем на судебном процессе проходил и Федор Никифорович Ливин. На первых скамьях по специальным проходным билетам разместились журналисты ведущих газет – «Курьер», «Россия», «Новое Время», «Киевлянка», «Полтавские Губернские Ведомости», «Русский листок» и т.д.

Сначала озвучили суть дела.

Тело Комарова было найдено близ того самого мостика, у которого обыкновенно встречались супруги, в 22 шагах от барьера вправо и вкось от дороги, на небольшой площадке, окруженной кустарником и большими деревьями так, что проходящему по дороге через мостик трупа не было видно.

От мостика и до места, где лежал труп, на всем пространстве на сухой, твердой и покрытой травой земле следов борьбы не обнаружено. Два дерева оказались пригнутыми и придавленными трупом, а его жилет и брюки на коленях были выпачканы сыроватой и глинистой землей, из чего при осмотре сделано заключение, что на это место труп притащили, причем волоком по земле. Место это, как удостоверяет осмотр, настолько удобно, что сидя там, можно свободно видеть мостик и часть дороги на Полтаву, но идущему по дороге через мостик из Полтавы к Терновщине сидевших в засаде не видно.

Особенность этого судебного дела в том, что не было ни одного свидетеля, ни одной прямой улики или доказательства вины осужденных. Единственным веским вещественным доказательством причастности братьев Скитских к гибели Комарова была недоеденная преступниками колбаса, найденная на месте преступления, яко-

бы купленная ими в лавке, но на судебном разбирательстве и она потеряла свою ценность. Свидетели показали, что колбаса, которую покупали Скитские, похожа на найденную в кустах возле трупа. Но продавший братьям колбасу приказчик Кацюра забыл, какой толщины она была. Замер толщины колбасы в зале суда ни к чему не привел. Даже клятва Кацюры под присягой перед Евангелием, крестом и лежавшим рядом с ними огрызком колбасы не дала никаких результатов.

Тяжелее всех на суде пришлось самим братьям Степану и Петру Скитским. Изнемогая, они ожидали приговора. Братья Скитские – примерно одного роста, остроносые, с заостренными приподнятыми бородками. Степан Скитский – рыжий и наполовину лысый, с маленькими пронзительными глазами и морщинистым лицом. Под подбородком – высокий воротник. Чинно раскланявшись по сторонам, он опустил на скамью. Казалось, Степан не слушал показания свидетелей, не вникал в их жаркие разбирательства и споры. Во время всего процесса он не сводил своего серьезного взгляда с председателя суда.

Петр Скитский на десять лет моложе брата, все время озирался по сторонам и реагировал на каждое выступление свидетелей. Его наивное лицо, обращенное к судьям, было противоположно сосредоточенному взгляду Степана.

Судья вызвал последнего свидетеля, надворного советника Ливина. Он вошел в зал напряженным. Поймав на себе презрительный взгляд прокурора, Ливин почувствовал неловкость своего положения. От еще недавно обаятельного и авторитетного чиновника ничего не осталось. Бледный и взволнованный, переминаясь с ноги на ногу перед судейским столом, он стал излагать свою версию происшедшего.

Ливин рассказал о том, как по возвращении с Дальнего Востока у него началось бракоразводное дело с женой. Дело это производилось в Полтавской духовной консистории. Комаров не входил по служебным делам ни в какие отношения с заинтересованными лицами. Зная это, Ливин написал ему письмо, в котором, объяснив свое положение и указав «на перевес материальных средств со стороны жены», просил Комарова обратить особенное внимание на это дело и не решать его до того времени, пока он не получит необходимые справки из Камчатской духовной консистории. Комаров, как человек справедливый, вошел в положение свидетеля и исполнил его просьбу. Несмотря на то, что разбор бракоразводного дела Ливина предстоял в ближайшем времени, Комаров отсрочил его на 6 месяцев.

Ливин рассказал суду, как к нему явилось несколько темных личностей, «которые имели намерение убить его, но это им не удалось, так как он вообще человек аккуратный. И вот, чтобы устранить Комарова от участия в бракоразводном деле, те же самые темные личности решили убить его, что им и удалось»¹.

Ливин был убежден в том, что Комаров стал жертвой не братьев Скитских, а лиц, которые были заинтересованы в исходе его, Ливина, бракоразводного процесса.

Постоянно вытирая мокрые ладони платком, Федор Никифорович путался в своих показаниях, перескакивая с одних предположений на другие. Его голос дрожал, от духоты в горле пересохло. При этом он спешил и нес несурязицу. Со стороны казалось, что он вот-вот упадет. Вид еще недавнего строгого тюремного смотрителя

¹ Процесс братьев С. и П. Скитских по делу об убийстве секретаря Консистории Комарова : 3 разбирательство в г. Полтаве. М. 1900. С. 46.

был настолько жалким, что палата стала выражать свое нетерпение. Со всех сторон послышался кашель, предупреждающий свидетеля о завершении показаний.

– Едва только Комарова не стало, как моему делу дали движение в самом непродолжительном времени, – заключил свое выступление Ливин.

– Как же было решено ваше дело? – спросил свидетеля председатель суда.

– Оно еще не решено, – последовал ответ, – но будет решено в мою пользу.

Вдруг выяснилось, что Комаров имел большое влияние на исход бракоразводных дел. Бывали случаи, когда особое мнение секретаря брало верх. В то время, когда Комаров возглавлял духовную консисторию, бракоразводными делами занимался господин Горностаев. С его слов Ливин поведал суду, что в Полтавской консистории бракоразводных процессов очень много. И количество их с каждым годом лишь увеличивается.

В Полтаве они делились на дела знатных лиц и простых. Сам Комаров проявлял интерес лишь к делам первой категории. Обычно «знатными людьми» на них тратились крупные суммы денег для ускорения бракоразводного дела, и часто чиновниками допускались злоупотребления. Комаров был ярким противником разводов, примером чему могло послужить дело Тржецяк. Духовные отцы приняли решение о расторжении брака, но Комаров вопреки всем дал заключение об оставлении брака в силе. Брак был расторгнут лишь после смерти Комарова.

Председатель прервал речь Ливина, не найдя связи между его делом и делом братьев Скитских. Защитник Скитских господин Зеленский и сам Федор Ливин пы-

тались доказать, что связь есть, что убийцы Комарова и цели его убийства не те, что изложены в обвинительном акте, но ввиду того, что свидетель Ливин не представил суду ни одного фактического доказательства, его показания на этом закончились.

Во избежание разночтений следует упомянуть о том, что фамилия нашего героя в прямой речи участников описываемых событий звучит двояко: Ливин и Ливен.

Так странным допросом Ливина завершилось 21 марта судебное следствие. Далее судебные прения начал прокурор В. В. Давыдов. Он обратился к суду со следующими словами:

«Господа судьи, господа сословные представители! Вам предстоит очень трудная задача – решить вопрос: совершили ли братья Скитские гнусное, ужасное преступление – убили своего начальника из чувства служебной мести. Прежде чем обратить ваше внимание на обнаруженные следствием улики, я попрошу вас вникнуть в некоторые моменты, которые так же стали предметом следствия. Их было несколько.

Первый – это записка, найденная 28 июля (в то время как убийство произошло 14 июля) на месте убийства Комарова с адресом жертвы. Непонятно, какое она имеет отношение к убийству Комарова. Второй эпизод – это малосвязный рассказ несчастного Ливена. Все, что он здесь говорил, свидетельствует лишь о том угнетенном состоянии, в котором он находится. Вы слышали, что он служил в Амурском крае. Там он насмотрелся на каторжников (так в источнике. – **Прим. авт.**), там покушались на его жизнь. И это произвело на него такое угнетающее впечатление, что ему и здесь мерещатся

убийцы. Ему кажется, что его преследуют. Появляется поручик Андреев, приезжают какие-то странные люди, и он считает, что это заговорщики против его жизни. Ходят ли люди возле его квартиры, и он уверен, что это подосланы убийцы.

Вы слышали, господа судьи, рассказ Ливена. Но скажите мне, какая связь между приездом каких-то неизвестных лиц и убийством Комарова? Тем более, что лица эти 14 июля, вероятно, даже не были в Полтаве. Он говорил, что жена его ведет бракоразводный процесс с помощью подкупа, и что, встретив на своем пути неподкупного Комарова, она задалась целью устранить его. Но, спрашивается, не проще ли было ей, раз следует пролить кровь, убить самого Ливена, тем более, что никто не мог поручиться, что вместо Комарова ей не пришлось бы встретить другого такого неподкупного секретаря. Ведь есть же неподкупные люди. Следовательно, и этот эпизод значения не имеет»¹.

Не дождавшись окончания суда, Федор Ливин срочно продал дом в Полтаве и уехал в Херсон по личному приглашению директора Херсонского музея Виктора Гошкевича².

Но на этом его судебная история не закончилась. Обвинив поверенных жены Агафьи в убийстве секретаря консистории Комарова, Федор Ливин не только не по-

¹ Процесс братьев С. и П. Скитских по делу об убийстве секретаря Консистории Комарова : 3 разбирательство в г. Полтаве. М. 1900. С. 49.

² Виктор Иванович Гошкевич (1860–1928) – украинский учёный-историк, Герой Труда. Активно участвовал в общественной жизни региона. В 1898–1907 годах он был издателем и редактором ежедневной газеты «Юг». В 1890 году основал музей старобытностей при Херсонском губернском статкомитете. Основную часть музейного собрания составляли находки самого ученого, посвятившего многие годы поддержанию и обогащению коллекции.

мог расследованию, но тем самым положил начало новому судебному разбирательству, чем весьма осложнил и без того запутанное дело.

Далѣ читается показаніе не явившагося свидѣтеля Ливена, даннаго имъ при разборѣ этого дѣла въ Полтавѣ. Изъ показанія этого усматривается, что въ полтавской консисторіи производилось бракоразводное его дѣло. Въ дѣлѣ этомъ Комаровъ держалъ сторону Ливена. Для того, чтобы дѣло приняло для жены его благопріятный оборотъ, она и задумала убить Комарова, что и удалось ей при помощи преданныхъ агенто́въ. Эти же агенты неоднократно пытались и его убить, но это имъ не удалось.

Слѣдующимъ допрашивался свидѣтель Баба-Чубара. Показанія свидѣтеля въ высшей степени туманны. Изъ нихъ, между прочимъ, усматривается, что онъ вмѣстѣ съ нѣкимъ Андреевымъ былъ свидѣтелемъ по бракоразводному дѣлу Ливена, что приставъ Червопенко допрашивалъ его о какой-то, ему неизвѣстной, Олѣ, и что свидѣтель Торбенко совѣтовалъ ему убраться изъ Полтавы, такъ какъ,

Показанія Ливина.

Механизм был запущен, благодаря чему следствие по делу Ливина тянулось целых три года, до окончания процесса братьев Скитских. Сам же Федор Никифорович «умыл руки» и больше ни разу не появился в здании суда.

Много темного и непонятного было в нашумевшем на всю страну судебном процессе. Много недосказанного и невыясненного. Например, экспертиза профессора Патенко, указывавшая на убийцу в лице одной или двух женщин. Или веревка, затянутая на шее секретаря консистории зловещим бантом.

Вскоре дело братьев Скитских было передано на новое рассмотрение Харьковской палаты. Причиной тому

явилось заключение профессора Фойницкого, что «...население Полтавы, заранее составив определенное мнение по настоящему делу, скопилось огромной толпой у здания суда и свое настроение передавало судьям»¹.

Сенат нашел, что некоторые данные, которыми пользовался суд, были недостаточно проверены, а палата «в подтверждение невинности братьев Скитских в приговоре сделала ссылку на общественную совесть жителей г. Полтавы, выразившуюся в кликах восторга, раздавшихся по провозглашении оправдательного приговора как в суде, так и на улице».

«Полтавские Губернские Ведомости» писали: «Главным мотивом отмены приговора послужило то давление, какое оказала полтавская толпа, стихийная сила, на совесть судей. Влияние этой силы на приговор палаты обер-прокурор назвал «прискорбным» не потому, разумеется, что братьев Скитских оправдали, а потому, что «благодаря ей, этой стихийности, без разума и смысла им вновь приходится перенести массу невыносимых испытаний и страданий ввиду неизвестного будущего».

Единственный в своем роде таинственный процесс так глубоко затронул общественное сознание, что заставил народ принять активное участие в судьбе подсудимых. С напряжением, страхом и в то же время надеждой на правосудие ожидало русское общество завершения затянувшегося на долгие три года процесса. Вряд ли можно было найти в России место, где оставались безучастные к громкому делу граждане. Каждый здравомыслящий человек задавался вопросом: «Вино-

¹ Иваненко Д. А. Свидетель по делу об убийстве Комарова Ливин // Записки и воспоминания. 1888–1908. Полтава, 1909. С. 113–117.

вны ли братья Скитские?». Вся страна следила за ходом дела, переживая, что на скамье позора сидят невинные жертвы случайных совпадений.

Новое слушание было назначено на 16 марта 1899 года в Харькове. Вход был строго по билетам, полиция оцепила здание суда, жестко контролируя каждого входящего.

Первым свидетелем второго слушания была вдова жертвы Надежда Комарова. Худая и невысокая дама в черном наряде, с бледным лицом и темными волосами, еще недавно безутешная вдова, теперь говорила жестким тоном. Неожиданно для всех Комарова выступила ярым обвинителем братьев Скитских, настойчиво добиваясь обвинения подсудимых. Ей ничего не было известно об убийстве, лишь то, что знали все, но на глазах судей и слушателей она из свидетельницы превратилась в прокурора. В зале прошел шепот, и вдову окрестили «близорукой женщиной, изнутри сгорающей от жажды мести».

– Разве нет причин для моих подозрений? – обращалась к суду Комарова. – Вспомните отказ Степана Скитского забыть злобу против моего мужа, о чем его просил сам преосвященный Илларион.

Еще больше подозрений вызвало таинственное появление на даче Комарова в день убийства двух неизвестных консисторских чиновников, сообщивших няньке, что барин домой «не вернется, потому что его убили – он лежит в кустах убитый». На следующий день Комаров действительно был найден мертвым, с признаками удушения. Личности консисторских чиновников остались невыясненными. А поведение няньки, не поинтересовавшейся, кто именно к ней приходил и где лежит убитый барин, признано судом более чем странным.

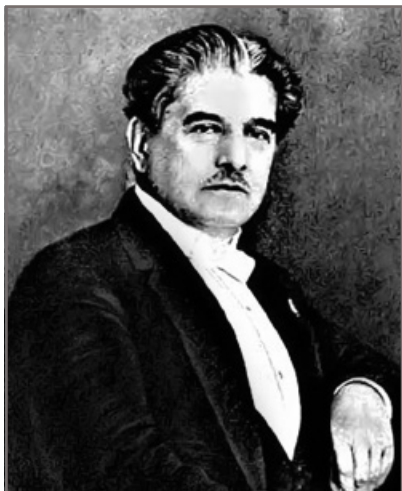
Свидетелем второго типа проходил Федор Никифорович Ливин. На суд он не явился, несмотря на то, что его имя значилось в списке.

Сначала были озвучены показания Ливина о том, что агенты его жены не раз покушались на его жизнь, устранили Комарова, сочувствовавшего ему в этом деле, и что после смерти Комарова его дело пошло очень быстро. В показаниях говорилось, что Комаров оказывал ему поддержку при бракоразводном процессе, возбужденном Ливиним с его женой, имеющей сильных покровителей. Что в связи с этим делом проходит расследование показаний свидетеля со стороны супруги Ливена Баба-Чубары, выступившего в Петербурге по делу Ливена, который дал показания о супружеской неверности Ливена. После этого материальное положение Баба-Чубары поправилось. Судебная палата установила факт наезда в Полтаву разных темных личностей, пребывание которых совпало со временем убийства Комарова. На основании этого защита построила новую гипотезу совершения преступления другими личностями, а не братьями Скитскими¹.

После чего выступил защитник Карабчевский:

«Господин прокурор из рассказа Ливена о том, что Комаров, как он убежден, был убит по его бракоразводному делу темными личностями, приехавшими из Петербурга, агентами его жены, всеми средствами и способами, ничего не жалея, добывающимися во что бы то ни стало развода, которому сильно мешал Комаров,

¹ Процесс братьев С. и П. Скитских по делу об убийстве секретаря Консистерии Комарова : 3 разбирательство в г. Полтаве. М., 1900. С. 50.

Карабчевский Н. А. – известный русский судебный оратор, писатель и общественный деятель.

– усматривает несчастное угнетенное состояние господина Ливена. Но нам до состояния Ливена нет дела, а для нас важны те факты, которые сообщил нам Ливен, и тут господин прокурор недоумевает, какую связь имели какие-то приехавшие из Петербурга личности с настоящим делом¹. «Мало ли, – говорил господин прокурор, – кто ни приезжает!» Но нет, это не так. Незадолго до убий-

ства Комарова из Петербурга приехали какие-то личности, проживали в Полтаве без определенных занятий неизвестно для чего.

Один из них незадолго до убийства Комарова оставляет свой номер, который он занимал в гостинице, закрытым, пропадает без вести, после этого из Полтавы в Петербург едут какие-то агенты, ведутся какие-то переговоры, одно из этих лиц имело визитную карточку к Павлу Николаевичу такого содержания, как передал Ливен. А ведь мы знаем, что Павел Николаевич – это Горностаев, столоначальник консистории по бракоразводному столу. Вот та связь, какую, по рассказу господина Ливина, и мог иметь с настоящим делом приезд этих лич-

¹ Процесс братьев С. и П. Скитских по делу об убийстве секретаря Консистории Комарова : 3 разбирательство в г. Полтаве. М., 1900. С. 82–83.

ностей. Если б обстоятельства эти были своевременно и надлежаще исследованы, отчего не убить мужа, спрашивает г. прокурор. Желали, но не удавалось! – отвечал я».

Сделав небольшую паузу, Карабчевский вызвал столоначальника Горностаева, который подтвердил, что заведует бракоразводным столом, что Баба-Чубара был допрошен по этому делу в Петербурге зимой, а председатель консистории Комаров действовал по закону, и никакого пристрастия в отношении дела Ливена не было. Горностаев доложил, что по этому делу допрашиваются свидетели по месту жительства.

Затем Карабчевский опять вернулся к показаниям Ливина.

«Ливин утверждал, что его неоднократно пытались убить, но безрезультатно. Что в Полтаву приезжали в связи с его бракоразводным делом ходатаи его жены – какой-то офицер, проживший до половины июля и тайно исчезнувший и бесследно (свидетель пристав Царенко), и что выписывали из Петербурга свидетеля Андреева и ходатая Плятва (пристав Червоненко). Одним из ходатаев по делу был некто Баба-Чубара. О нем дают некоторые сведения свидетели частные поверенные Торбенко и Пашенко»¹.

За недостаточностью данных, не высказывая определенных подозрений, присяжный поверенный Карабчевский заметил, что все эти обстоятельства требовали самого точного и всестороннего расследования, чего сделано не было.

Для дачи показаний был вызван свидетель Торбенко.

¹ Процесс братьев С. и П. Скитских по делу об убийстве секретаря Консистории Комарова : 3 разбирательство в г. Полтаве. М., 1900. С. 84.

Господин Карабчевский спросил, не знаком ли ему Баба-Чубара, и попросил свидетеля рассказать о его участии в бракоразводном процессе Ливена.

Торбенко рассказал следующее:

«Сначала хочу сказать несколько слов о личности Баба-Чубары. До 1895 года это был бедный человек, ютившийся около своего брата, державшего в Полтаве табачную торговлю. Но мало-помалу он стал состоятельным. Дела его пошли на поправку в 1897 году. Помню, я встретил пристава Червоненко, который попросил меня узнать у Бабы-Чубары, что за Оля прислала ему письмо из Петербурга. В тот же день я встретился в назначенном месте с Чубарой, подошел к нему и на ухо прошептал: «Кланяется тебе Оля». Он так и подпрыгнул от этих слов, хотел расспросить меня, но так как место встречи было многолюдным, мы решили встретиться в ресторане гостиницы «Марсель». Когда я пришел, Баба-Чубара уже ожидал меня.

– О какой Оле ты меня спрашивал? – взволнованно произнес он.

– Да о той самой, – отвечаю я. – Которая прислала тебе письмо из Петербурга.

Чубара смутился.

– Не понимаю, что это значит. И пристав Червоненко спрашивал меня о письме этой самой Оли.

– Да кто она такая? – спрашиваю я его.

– Долго рассказывать, – Чубара был очень взволнован. – Эту Олю наняли для дачи показаний на суде в Петербурге против господина Ливина насчет его супружеской неверности. Она будет свидетельствовать, что состояла с ним в интимной связи.

На другой день часов в 12 мы снова встретились с Чу-

барой в ресторане гостиницы «Марсель». Он был веселым и довольным.

– Ну, слава Богу, – сказал он мне, – одно письмо действительно у меня пропало, но только не то, о котором я думал. То письмо у меня украл чиновник Петров, который выманил 500 рублей у Андреева, приехавшего хлопотать по бракоразводному делу Ливена.

– Погоди, – перебил я Чубару. – Но скажи мне, пожалуйста, что именно за письмо, о котором ты сейчас упоминал?

Чубара довольно улыбнулся:

– Ну, брат, это такое письмо, которое, если я покажу, где надо, то всегда будут деньги. Вечный кусок хлеба!»

Далее свидетелем по бракоразводному процессу Ливина был допрошен пристав Червоненко:

«В сентябре месяце 1897 года ко мне на квартиру заходил частный поверенный Пащенко и сообщил, что у него был Баба-Чубара, спрашивал совета по бракоразводному делу Ливена и как-то проговорился, что недурно было бы свалить убийство Комарова на Ливена. О бракоразводном деле Ливена я слышал раньше, причем передавали мне, что для этого дела в Полтаве формируются свидетели, а одного свидетеля, Андреева, выписывают из Петербурга. Пащенко проговорился мне, что может достать даже переписку по этому делу, что я и просил его сделать. В доставленном мне письме изложена была, между прочим, просьба привезти в Петербург какую-то Олю. Я просил Торбенко добыть у Баба-Чубары подробные сведения об Оле. Впоследствии Торбенко передавал мне, что Баба-Чубара рассказывал, что, встретив однажды Комарова, имел с ним по делу Ливена

крупный разговор, а через некоторое время он даже рассказал Торбенко, что это он убил Комарова».

Затем начался допрос свидетеля Пащенко, частного поверенного при полтавском уездном съезде. На вопрос «Знает ли он что либо о Баба-Чубаре и отношениях этого человека к бракоразводному делу Ливена?» свидетель рассказал, что Баба-Чубара часто навещался в его дом. Однажды в один из таких визитов Чубара спросил Пащенко, нет ли у него знакомых чиновников в консисто-рии. Пащенко назвал Каменецкого и спросил Чубару:

– А на что вам это?

– Мне надо навести справку по одному делу, – говорит Чубара.

– По какому делу?

– По бракоразводному делу супругов Ливиных. – И затем через секунду добавил. – Вот уж я скажу вам, что это дело действительно замечательное. Оно стоит теперь уже более 15 тысяч рублей. Серьезное это дело.

Пащенко рассказал, как по делу Ливина в Полтаву приезжал Андреев, и вспомнил, что, когда он был в полицейском участке, пристав разбирал паспорта прибывших в Полтаву лиц. В числе документов была паспортная книжка Андреева. Пристав внимательно рассмотрел ее и сказал: «Этот Андреев – агент петербургской тайной полиции».

В тот же день при встрече Пащенко с Баба-Чубарой зашла речь о Комарове, и Баба-Чубара сказал, что убийство это наверняка совершил Ливин. Пащенко немедленно доложил приставу Червоненко, но тот отнесся к его словам безучастно.

Потянулась цепь запутанных событий, следовавших

одно за другим. Вскрылась целая система мутных отношений и интриг темных, непонятных личностей, вызвавших у суда подозрения.

Заседание 20 марта открылось прениями сторон. Первым начал речь прокурор В. В. Давыдов. Он подробно разобрал все имеющиеся косвенные улики преступления и настаивал на виновности братьев Скитских.

После его выступления слово было предоставлено защите. Первым выступил Зеленский, после него с речью обратился защитник Карабчевский:

«...что дала Степану Скитскому его 23-летняя консисторская служба, которой он должен был так дорожить? Материально – хижину под соломой в предместье города Полтавы на Кобыщанах, страшную нужду, которую терпела его семья, и если б не помощь добрых людей, уверенных в невиновности Степана Скитского, она давно умерла бы голодной смертью. Нравственно – эту позорную скамью подсудимых, на которой он сидит с ограбленною у него честью. Благословение на увольнение его от службы, чтобы испортить ему жизнь навсегда, если даже он выйдет отсюда тем же честным Степаном Скитским, каким был и останется навсегда.

Что за расчет в убийстве Комарова? Я отвечаю тем же соображением, которое привел господин прокурор, когда он доказывал бесполезность для жены Ливена убить Комарова – будет другой Комаров, – и я так же отвечаю: чем был гарантирован Скитский, что после Комарова не явится другой Комаров?»¹.

¹ Процесс братьев С. и П. Скитских по делу об убийстве секретаря Консистории Комарова : 3 разбирательство в г. Полтаве. М., 1900. С. 245.

«Некий Ливен, показание которого было здесь оглашено, также один из клиентов Полтавской консистории по бракоразводному делу, возбужденному против него, выразил не только догадку, но даже прямую уверенность в том, что Комаров пал именно жертвой своей исключительной стойкости по бракоразводным делам.

Он свидетельствует нам, что без вмешательства и, так сказать, законного покровительства и заступничества со стороны господина Комарова он, Ливен, был бы уже давно разведен на основании весьма сомнительных данных, которые он не признает правильными. Этот процесс и участие в нем Комарова вообще характерны. Вы слышали, что процесс этот длился долго. Он переходил из рук одного бракоразводного мастера в руки другого и все не клеился. Комаров тормозил все их действия. Нам называли имена ходатаев: местного, Петрова (говорят, он взял только деньги и ничего не сделал), потом из петербургских: Андреева, Плетнева и свидетеля этого бракоразводного процесса, фигурировавшего здесь Баба-Чубару. Только об этой последней личности нам мельком кое-что известно, об остальных никакого расследования, никакого сопоставления их несомненных наездов в Полтаву с ходом процесса в деле не имеется.

Что же входило в задачу этих лиц, делавших несомненные облавы на господина Ливена в Полтаве, следивших за ним, карауливших его в интересах специально бракоразводных? На это есть прямые указания. Один из свидетелей удостоверял, что лицо, заинтересованное в благополучном исходе дела, не жалело денег и имело их. Было истрачено на разных ходатаев и устроителей, если верить свидетелю, около пятнадцати тысяч.

Но процесс все не двигался с места, еще не были даже допрошены свидетели. Комаров стоял на страже законных, по-видимому, интересов господина Ливена, и все крючки и обходы бракоразводных дельцов не подвинули дела ни на шаг вперед. Господин прокурор здесь оспаривал возможность предположения о связи этого процесса с настоящим делом следующим соображением: не проще ли было убить самого господина Ливена, говорил господин прокурор, тогда не нужен был бы и самый бракоразводный процесс, зачем же убивать Комарова? Боже меня упаси остановиться на соображении господина обвинителя. Нужно различать тех, кому нужна законная свобода от брачных уз, от тех, кому нужны только деньги, каким бы способом их ни добыть. Первые могут быть людьми вполне почтенными и высокой нравственности. Платя деньги за разводы, они не платят за убийство.

Что касается дельцов-подрядчиков бракоразводных дел и их темных агентов, то ведь их цель одна – получить скорее последний и обыкновенно самый крупный куш за благоприятное окончание бракоразводного процесса. Причем же тут убийство Ливена? Темным личностям оно не принесло бы ожидаемого куша, а кроме куша они ничего не ждали и не желали. Что Комаров, именно Комаров, а не кто другой, тормозил ход этого дела, это ясно. Взгляните на судьбу дела после смерти Комарова. Оно двинулось, и сам Баба-Чубара, временно одевшись франтом, сделался жителем столичного города С.-Петербурга, где и был уже допрошен по своему временному, согласно постановлению Полтавской духовной консистории, месту жительства. За эту поездку

он, по его собственному сознанию, получил соответствующую денежную субсидию.

Другим партнером Бабы-Чубары выступил господин Андреев, который до убийства Комарова, как известно, наезжал в Полтаву. При Комарове ничего подобного не могло бы случиться. Опять-таки не высказываю никаких определенных положений – за неимением к тому достаточных данных; но я спрашиваю: неужели эти обстоятельства не требовали своевременного самого точного и всестороннего исследования? Все эти указания имелись ввиду при предании Скитских суду, и об их надлежащем расследовании тщетно подавались прошения и заявления женой подсудимого Степана Скитского».

После долгих судебных разбирательств палата вынесла обвинительный приговор – виновные ссылаются на 12 лет каторжных работ.

Последнее рассмотрение дела братьев Скитских происходило в Полтаве Особым присутствием судебной палаты в мае 1900 года.

Это было окончательное расследование, нашумевшее на всю страну. В нем принимали участие известные журналисты Влас Дорошевич и Леонид Андреев, представитель редакции «Новое Время» Н. М. Ежов и его покровитель Алексей Суворин. Особое внимание к делу братьев Скитских выразил сам обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев. С этим делом даже связывали имя попа Гапона, имевшего зуб на Комарова за то, что тот отказался дать ему хорошую рекомендацию. Журналисты из Москвы, фотографы и просто небезучастные к этому делу люди съехались в Полтаву, на время превратившуюся в большую судебную палату,

жившую одним интересом – разрешением дела Петра и Степана. Всех мучил один вопрос: что ждет этих несчастных – 12 лет каторжного труда или свобода?

После того, как кассационный департамент сената принял решение о третьем пересмотре дела братьев Скитских, все столичные и провинциальные газеты ежедневно публиковали заметки о предполагаемых убийцах.

По поводу загадочного убийства в Полтаве ходили разноречивые слухи. Рассказывали о таинственном господине одного из центральных районов города. Господин этот был крайне заинтересован в одном бракоразводном процессе, тянувшемся годами. Два или три года он жил в Полтаве, но никто его никогда не видел на улицах, так как он никому не показывался на глаза. А еще дочь Степана Скитского получила странное анонимное письмо, в котором автор признался в убийстве Комарова. Все эти мистификации запутывали и без того непростое уголовное дело.

Федор Ливин в это время работал заведующим хозяйственной частью в первой частной херсонской газете «Юг» и неустанно отслеживал все, что касалось его личного интереса. Главным редактором газеты был Виктор Гошкевич. Разумеется, газета «Юг» освещала знаменитый на всю Россию судебный процесс.

Интерес к делу братьев Скитских захватил общественность настолько, что, казалось, люди забыли о своих проблемах. Дело приобрело новый окрас, а братья Скитские, томившиеся в тюрьме, стали местной достопримечательностью, благодаря которой в сознании жителей Полтавы их город стал центром мира. О них писали не только российские, но и зарубежные газеты,

такие как канадское «Слово» или «Варшавский листок». На первых страницах газет новости из Полтавы стояли наравне с новостями Парижа и Лондона.

Напряжение города, накалившегося от палящего южного солнца, было столь велико, что временами казалось, нечем дышать. В зале суда стоял спертый воздух, судья, подсудимые и даже публика были сильно напряжены.

На 23 мая 1900 года назначили день осмотра судебной палатой места преступления. Были заказаны экипажи и провизия. Утром провели судебное заседание, после которого на экипажах отправились к месту преступления.

На судебном заседании появился новый свидетель по фамилии Крысь. Он показал, что каждый день по пути на работу встречал Комарова. В тот роковой день Крысь встретил его у мостика рядом с дачей и остановил, чтобы сверить часы. Комаров пожаловался, что жена его не встречает, и угостил Крыся папиросой, после чего они расстались. После допроса свидетелей в сопровождении журналистов и фотографов все отправились к экипажам.

Судебная палата в полном составе прошла пешком по той же поляне, по полю, где все произошло. Невыносимая жара сковывала движения. Наконец, устав от длительного пути, все расположились на траве для завтрака. Вокруг фотографы спешили сделать эксклюзивные снимки судебных приставов. Под чистым небом, напротив предполагаемого места убийства Комарова, под кронами старых деревьев открылось заседание суда. Никогда еще не было такого в судебной практике. Уникальный суд с подробным исследованием каждого клочка земли, на котором было совершено убийство и где лежало тело Комарова.

Фрагменты из газет, освещавших громкое дело в Полтаве.

Вот здесь нашли его зонтик и золотые очки, а в тех кустах убийцы поджидали свою жертву. Выверлась каждый клочок пройденного им пути, обдумывалась каждая деталь. И снова потянулась череда свидетелей – Жученко знакомил судей с местом косьбы, пастух Тимченко и водовоз Крысь показывали место встречи с Комаровым, когда тот возвращался на дачу после работы.

Деревянные перила рокового мостика испещрены всевозможными надписями, свидетельствовавшими о том, что здесь перебивалось очень много народа. После мостика дорога на дачу поднимается вверх. Сама дача – небольшой голубой, покрытый железом домик, совершенно изолированный от прочих жилых строений,

состоящий из кухни и четырех комнат. Балкон выходит в ту сторону, где находится роковой мостик. Летом он зарастает диким виноградом, и как ни присматривайся, мостик с балкона не увидишь. Но если спуститься вниз и подойти к самой изгороди дачи, то отсюда видна только часть перил мостика. В общем, от духовного училища до дачи Склифосовского – почти 50 минут при езде на парном извозчике. Как же мог Комаров совершать этот путь пешком в течение 45 минут?

Мало того, убийцы должны были заманить Комарова от мостика в сторону, но если это были братья Скитские, вряд ли Комаров пошел бы к ним, потому что они были его подчиненными. Скорее бы, он подозвал их к себе. И нападение на Комарова сзади неестественно, так как он шел с открытым зонтиком на плече, а это препятствовало для набрасывания веревочной петли на его шею.

Утомленный жарой и проделанной работой суд перенес осмотр, и на следующее утро в сопровождении журналистов и фотографов судебная палата снова выехала место преступления. Ясный летний день. Жгучее солнце. Десятки экипажей несутся, перегоняя друг друга, поднимая пыль на дороге, вдоль которой по всей длине расставлены цепи ополченцев. Казалось, весь город движется за ними. Люди на крышах домов, на улицах, на дорогах. Не обращая внимания на зевак и сочувствующих братьям Скитским граждан, судьи выполняют свою трудную работу, допрашивая непосредственно на месте преступления всех свидетелей одного за другим, внимательно проверяя каждую деталь.

Судебная палата приняла решение пройти весь путь, по которому предположительно шли Скитские. Пол-

ным составом, в сопровождении журналистов все стали спускаться вниз. Пересекли чье-то картофельное поле, приступом взяли плетни огородов и остановились перед протекающим на дне оврага ручьем. С трудом переправившись через него, стали подниматься в гору. Люди рассыпались по возвышенности, поднимались кто группами, другие поодиночке. Впереди всех шел Быховский (присяжный поверенный. – **Прим. авт.**). Он пытался определиться по часам, сколько времени займет этот путь. В какой-то момент Быховский оступился, полетел вниз, его белая шляпа и груды бумаг разлетелись по склону, подхватываемые ветром, что вызвало легкие смешки у присяжных.

Встретившийся по пути крестьянин показал палате короткий путь к мостику. И снова на пути глубокий овраг с крутыми берегами. Члены палаты скользят, кто-то теряет равновесие и падает в грязь, другие пытаются взобраться на откос практически на четвереньках. Поднимается смех, шутки, разговоры. Наверху перед глазами открылись удивительной красоты просторы: Терновщина, цветущие луга, стоявшая в стороне дача Комарова и нескончаемая толпа собравшегося народа.

Крысь рассказал, как в трагический день, обогнав Комарова, он возвращался с пруда. Возле мостика он увидел жену Комарова, но самого его уже не было. Женщина вышла навстречу мужу и уже не нашла его. В момент предполагаемого убийства Крысь находился у пруда, в 60 шагах от мостика, но ничего не слышал. Отрезок времени между проездом водовоза по мостику и приходом на мостик Комаровой настолько мал, что создается сомнение в возможности трижды обвить веревку на шею Комарова и разбросать его вещи.

**«Кузьминский пригласил Бородаеву сесть»¹.
Фотография И. Хмелевского.**

**«Кузьминский, Карабчевский и др. у дома Бородаевой».
Фотография И. Хмелевского в газете «Полтава».**

¹ Кузьминский – старший председатель Киевской палаты (родственник Л. Толстого), Бородаева в расследовании дела о братьях Скитских проходила как важный свидетель, от которого зависел исход дела.

Жара сморила всех, и, забыв о благопристойности, люди стали со смехом передавать из рук в руки бутылки с квасом. Из общих стаканов испили все: и полицейские, и дамы, и журналисты, и приставы, и даже подсудимые братья Скитские. Все вместе, на раскаленном солнце среди шумной толпы. И на мгновение заседание суда под открытым небом напомнило дружеский пикник горожан, собравшихся на общий праздник. Только понурый вид подсудимых напоминал о важности исхода судебного заседания.

26 мая состоялся новый допрос экспертов, который закончился жесткой критикой полтавского врача Михнова. Затем повторился допрос свидетелей, в основном были затронуты показания Ливина с темным, запутанным вопросом бракоразводных дел.

«Петерсен-отец на вопросы Кузьминского показывал рукой и пояснял движения сына». Фото И. Хмелевского в газете «Полтава»¹.

¹ Бородаева приняла отца и сына Петерсенов, прогуливающих собаку, за Скитских, из-за чего на Скитских пало ещё одно подозрение. На очной ставке Петерсены по указу судей прошли по той же дороге, а Бородаева их снова приняла за Скитских. После чего её отстранили как свидетеля.

Уникальная фигура Бабы-Чубары, постоянно меняющего места жительства и появляющегося на людях то в роскоши, то в крайней нищете, полностью была отвергнута судом за неимением связи с убийством Комарова. Свидетель Головки пояснил неявку Петра Скитского на поиски тела Комарова. Вдруг выяснилось, что многие чиновники предпочли пикник на траве поиску тела и похоронам.

Последнее заседание суда – 28 мая 1900 года – завершило трехлетний процесс.

После долгих прений сторон, прокурора К. К. Александрова-Дольника, с одной стороны, и поверенного Скитских Зеленского и адвоката Карабчевского – с другой последний закончил свою речь словами:

«Может наступить ужас, тот ужас, который мы уже пережили однажды. Неужели это на самом деле возможно? Суд и осуждение близки. Но закон не хочет, не требует от вас невозможного. В подобных случаях он, наоборот, сам приходит вам на помощь, сам бережет вас. Вам ли, юристам-судьям, напоминать мне об этом? Самонадеянность всегда слепа. Сомнение же – спутник разума. Сказать, что в этом деле все для вас ясно и нет сомнений, вы не можете...»¹.

Братья Скитские были оправданы.

По залу прошел стон. Многие плакали от радости. Карабчевский от волнения немедленно покинул здание суда. Вокруг уличного оцепления, казалось, собрался весь город. Громкое «Ура!» разразилось по улицам, тол-

¹ Процесс братьев С. и П. Скитских по делу об убийстве секретаря Консисории Комарова : 3 разбирательство в г. Полтаве. М., 1900. С. 252.

па нарастала, и окончание процесса превратилось в общий праздник. В течение нескольких часов при появлении на улице Карабчевского и Зеленского толпа кричала от радости. Карабчевского носили на руках, целовали и забрасывали цветами. Праздник с музыкой и песнями продолжался до самой ночи.

«...А на улице, под окнами гостиницы, тысячная толпа продолжала кричать ура и аплодировать».

Фотография И. Хмелевского в газете «Полтава».

Как сложилась дальнейшая судьба героев этого процесса? Степан Скитский служил по акцизу в Харькове, а Петр – в Умани. Говорят, Петр в скором времени спился и умер. Комарова устроилась работать в железнодорожное управление в Москве. Адвокаты Карабчевский и Куликов стали известными. Зеленский приобрел благодаря процессу популярность, набрал значительную клиентуру, но попал в тюрьму из-за попытки получить двойное взыскание по векселю, после выхода из тюрьмы

заболел и перед смертью завещал положить в гроб благодарственное письмо, которое он получил от Скитских. Леонид Андреев стал знаменитым писателем.

Убийца честного русского служащего А. Я. Комарова так и не был найден, преступление осталось неразгаданным.

А что же Федор Никифорович Ливин?

Громкий процесс по убийству Комарова, или, как принято его называть, «Дело братьев Скитских», Ливин грамотно использовал в своих интересах. Узнав о трагической смерти главы Полтавской консистории, Ливин понял, что лишился защиты в бракоразводном процессе. Чтобы сохранить брак, необходимо было немедленно принять меры. Единственным выходом, на его взгляд, была подача судебных показаний против поверенных жены Агафьи и обвинение их в убийстве Комарова. Ливин вынудил суд признать его свидетелем второго типа и начать специальное расследование.

Втянув в судебный процесс ходатаев жены, он тем самым обезоружил их. Постоянный контроль со стороны полиции над Баба-Чубарой, Андреевым и другими, допросы в Полтаве и Петербурге не только затормозили ускорившийся после смерти Комарова бракоразводный процесс, но прекратили его навсегда.

Сохранив всеми правдами и неправдами свой брак на бумаге, Ливин по-прежнему принимал активное участие в деятельности газеты «Юг». Так, 14 июля 1904 года в разделе «Силуэты» была опубликована статья неизвестного де-Линя, посвященная пребыванию А. П. Чехова на Сахалине. Написана она была со слов проживавшего в Херсоне бывшего чиновника сахалинской администра-

ции, пожелавшего остаться анонимным. Был ли этим чиновником Ф. Н. Ливин или А. С. Фельдман, осталось неизвестным. Сама статья содержала теплые воспоминания о знакомстве с великим писателем.

Неделей раньше в № 1811 газеты «Юг» за 7 июля 1904 года (по старому стилю. – Прим. авт.) был опубликован некролог по случаю кончины А. П. Чехова, пропитанный горечью и скорбью. «Он умер. Оборвались и со стоном замерли струны, певшие дивно-прекрасную, скорбную песнь. Остановилось сердце, благородно бившееся любовью, состраданием и тоской»¹. Автором этих строк был все тот же таинственный де-Линь.

Статьи и некролог, посвященные Антону Павловичу Чехову в газете «Юг».

¹ Газета «Юг». 1904. № 1811. 7 июля.

Под некрологом была опубликована статья о неизвестном рассказе А. П. Чехова из жизни беглых и трехактной комедии «Генерал Кокет», в которой Чехов высмеял известное видное служащее лицо. Есть предположение, что прообразом его послужил Фельдман. К сожалению, и рассказ, и комедия Антона Павловича так и остались неопубликованными.

В 1907 году закрылась сама газета, а оборудование и права на издание были проданы.

В том же 1907 году умер и сам Федор Никифорович Ливин. Только после смерти мужа, после долгих судебных разбирательств и тяжб, обвиненная в пособничестве к убийству консistorского секретаря Комарова, Агафья Васильевна получила долгожданную свободу от постылого брака. Девятнадцать лет она прожила в браке и двадцать пять лет в мучительном бракоразводном процессе. Заключение в далеком 1864 году на Нижнем Амуре, в деревянном храме Архистратига Михаила селения Михайловского брак юного телеграфного сигналиста Федора Никифорова Ливина и девицы Агафьи Васильевой-Пашкеевой был сохранен до самой смерти супруга.

В чем была причина отказа в разводе со стороны непреклонного тюремного смотрителя Федора Ливина, сейчас трудно понять. Двадцать пять лет он жил без семьи, в одиночестве, но продолжал считать себя мужем и отцом. Может, причина в неразделенной любви? Вспоминая в гостях у Дмитрия Иваненко о любви к Агафье и счастливой семейной жизни, Ливин признался, что развод стал для него страшной трагедией, которую он не мог пережить. Так глубоко засела в сердце обида. А

может, причиной отказа в разводе стали свойства его непростого характера, и из мести он так и не дал свободу женщине, с которой его давно ничего не связывало, тем самым лишив ее законного полноценного брака и немалого наследства от Карла Георгиевича Гольденшtedта.

Как говорится, месть – блюдо, которое подается холодным.

Лучшим ответом на все вопросы является жизнь человека.

Фрагменты текстов из разных газет о Ф. Н. Ливине.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СЫНОВЬЯ ФЕДОРА ЛИВИНА

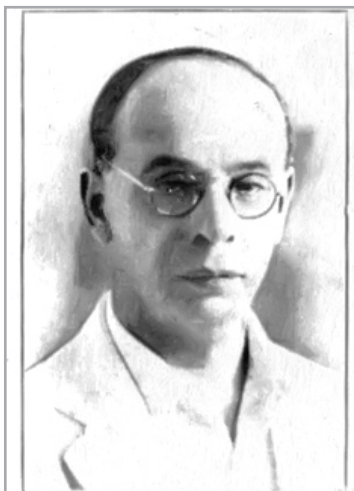
Глава первая ВЛАДИМИР

Владимир Ливин родился 23 апреля 1878 года во Владивостоке в семье почтового телеграфного чиновника, губернского секретаря Федора Никифоровича Ливина, но его детство и отрочество прошло на Миссионерской улице, в доме Карла Георгиевича Гольденшtedта. Как указывалось ранее, дети Агафьи Васильевны Ливинной сменили фамилию и отчество. Владимир Федорович Ливин стал именоваться Владимиром Карловичем Гольденшtedтом.

Образование он получил в Институте гражданских инженеров императора Николая I в Петербурге. Осенью 1904 года Владимир успешно защитил диплом и, вернувшись во Владивосток, заступил на должность младшего архитектора строительного отделения Приморского областного правления, а через полгода получил чин коллежского секретаря¹.

Послужной список Владимира Карловича Гольденшtedта говорит о его незаурядных способностях, трудолюбии и высоком профессионализме.

¹ РГИА ДВ. Ф.1. Оп.14. Д.234.

Mr. V. T. LIVIN.

Владимир Федорович ЛИВИН.
Гражданский инженер. В 1904 г. окончил Институт Гражданских Инженеров в Санкт-Петербурге.
В 1922 г. прибыл в Шанхай, где в течение 13 лет практикует в области строительной техники и архитектуры, имея собственную архитектурно-строительную контору.

«С разрешения министра внутренних дел определен на службу в означенное министерство и назначен на должность младшего архитектора строительного отделения при Приморском областном правлении 1905 года февраля 17-го дня. 30 сентября 1905 года утвержден в чине коллежского секретаря со старшинством. 10 марта 1908 года произведен за выслугу лет в чин титулярного советника со старшинством. 6 декабря 1908 года награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. 20 марта 1910 года возложено исполнение обязанностей Приморского областного инженера. 17 мая 1910 года назначен областным архитектором. В 1913 году получил направление в Хабаровск, где в течение трех лет занимался строительством новых зданий Хабаровской гражданской тюрьмы, за что был представлен к ордену Св. Анны 3-й степени. 3 декабря 1914 года произведен за выслугу лет в чин надворного советника со старшинством с 8 марта 1914 года»¹.

Предполагается, что орден Св. Станислава 3-й степени Владимир Карлович получил за участие в большом государственном строительном проекте. С 1907 года началось

¹ РГИА ДВ. Ф.1. Оп.14. Д.493.

масштабное казарменное строительство на полуострове Муравьева-Амурского и острове Русском, которое было закончено в 1910 году. Были призваны более 100 тысяч русских, китайских и корейских рабочих. На каждом строительном участке работало от 20 до 40 тысяч человек. Десятки казарменных городков и несколько сотен зданий были спроектированы непосредственно начальниками участков и их помощниками. Владимир Гольденшtedт как областной архитектор и гражданский инженер принимал активное участие в этом проекте. В 1916 году он получил право на особую пенсию и подал прошение об отставке от службы по состоянию здоровья.

О личной жизни Владимира Гольденшtedта известно немного. Он был женат на Анне Владимировне. Из детей известно только о дочери Ирине.

Лицом архитектора являются построенные им здания – плоды таланта и усердного труда. Каждый дом живет своей жизнью и хранит свою историю. Построенные Владимиром Гольденшtedтом здания во Владивостоке ныне являются памятниками архитектуры и находятся под охраной государства.

Одной из первых выдающихся работ В. Гольденшtedта было здание Золотосплавной лаборатории Русско-Азиатского банка. В этом проекте он использовал черты модерна и ренессанса. Первый этаж – массивный, а второй кажется облегченным за счет большого количества окон, украшенных пилястрами. Главный вход расположен в угловой части здания и подчеркнут четырехугольным эркером, исполняющим роль козырька над парадным крыльцом и опирающимся на две чугунные опоры. Эркер увенчан бельведером-ротондой

с высоким шпилем, благодаря чему здание до сих пор сохранило название «Дом с бельведером»¹.

Здание Золотосплавной лаборатории Русско-Азиатского банка.

Но главный проект В. Гольденшtedта – здание отеля «Централь», построенное по заказу его приемного отца Карла Георгиевича в 1906–1907 годах на собственном участке семьи Гольденшtedтов на улице Светланской. Этот особняк хранит особенную историю.

ДОМ ГОЛЬДЕНШТЕДТА

В декабре 1907 года во Владивостоке открылся новый отель, затмивший собой лучшие заведения города. Газета «Владивосток» так его рекламировала: «Едушим во Вла-

¹ Базилевич М. Е., Крадин Н. П. Творческая деятельность архитектора Владимира Карловича Гольденшtedта (Ливина) во Владивостоке // Ученые записки Комсомольско-го-на-Амуре технического университета. 2015. № 1-1 (21). С. 106-110.

дивосток рекомендуется лучшая гостиница «Отель-Централь». Комфортабельно обставленные номера. Все удобства: электрическое освещение, паровое отопление, телефон, ванны. Комиссионеры, владеющие иностранными языками. Кухня поставлена образцово. Цены номерам умеренные. Помесячно – скидка (по соглашению)».

Удачно расположенная на углу Светланской и Алеутской улиц, гостиница не знала покоя ни днем ни ночью. Даже стоящий рядом первоклассный отель «Золотой Рог» не мог составить ей конкуренцию.

Каждое утро Светланская просыпалась от шума катящихся по мостовой экипажей, шороха дворницких метел и криков разносчиков газет. Ближе к обеду улица была переполнена снующими взад-вперед прохожими, съезжающимися со всех концов города в поисках нужного товара.

Владивосток. Светланская улица.

Отель «Централь» не знал недостатка в клиентах. Масивный и высокий первый этаж здания пестрил яркими красочными вывесками торговых лавочек и магазинов, заманивая покупателей. «Дом Гольденшtedта» – так называли в народе это великолепное здание в стиле рационального модерна. Трехэтажный кирпичный дом с белыми стенами, отделанными декором из красного кирпича, выделялся на фоне обычных зданий и издали привлекал взгляды прохожих.

Удачное расположение отеля «Централь» обеспечило его хозяину хорошую прибыль. Некоторые крупные фирмы снимали сразу несколько номеров под контору, а первый этаж арендовали под магазины. Одной из таких фирм был торговый дом «Вальдекер и Пеппель», арендовавший помещения в «Доме Гольденшtedта» на протяжении нескольких лет. В газете «Владивосток» можно было встретить рекламу: «Торговый дом Вальдекер и Пеппель. Оптовый склад химических, москательных и окрасочных материалов для аптекарских, москательных и окрасочных магазинов, мыловарен, красочного и олифового производства, заведений искусственных минеральных вод и лимонадов, типо- литографий и проч.».

Другими известными арендаторами «Дома Гольденшtedта» были аптекарский магазин и торговля красками М. Ф. Титова, магазин Меленковской мануфактуры, оружейный магазин «Диана», корсетная мастерская «Элегант», экспортно-транспортная контора «Поплаухин и К», аптека Боргеста, галантерейный магазин Лысенко. Также наряду со всеми на первом этаже отеля «Централь» находился магазин москательных и окрасочных товаров самого Гольденшtedта.

Первую электроэнергию «Централь» получал от электростанции торгового дома «Кунст и Альберс», отопление от собственной котельной, а водоснабжение обеспечивалось железнодорожным водопроводом.

Отель «Централь».

Как удалось немцу приобрести столь удачный участок земли и построить на нем дорогой доходный дом?

Первым хозяином земли на углу Светланской и Алеутской улиц был Вильям Де-Фриз. В 1881 году Де-Фриз официально продал землю китайскому подданному Чаю, и 550 кв. саженей земли в первой части города были превращены в настоящий «чайна-таун». Выкупленную территорию китаец плотно застроил одноэтажными деревянными домами и надворными постройками, среди которых возвышался единственный двухэтажный кирпичный дом. В 1882 году Чай умер, и вся его китайская резиденция перешла под опеку генерал-губернатора. Дети Чаю из-за малого возраста не смогли вступить в права наследства.

Судьбу «чайна-тауна» решил сильный пожар 12 октября 1888 года, беспощадно уничтоживший деревянную резиденцию. Вспыхнул огонь в одном из домов наследников Чая. Он был настолько сильным, что пожарной команде пришлось вызывать военное подкрепление. Но даже общими усилиями не смогли предотвратить страшные последствия. Пожар уничтожил все деревянные строения, оставив от кирпичного дома лишь стены с обвалившимся углом. Вместе с ними от пожара пострадали шесть домов Куперов, живущих по соседству. Дети Чая получили наследство, но для нового строительства этих денег было недостаточно. Пришлось продать большую часть лучшего участка земли, чтобы хоть немного восстановить потери.

«Ведомость о купчих крепостях, совершенных во Владивостокском Окружном Суде 98. 26 октября 1890 года, часть 1, квартал 6, участок 47, купчая № 89, от китайских подданных Цай-вэй-чжень и Цай-вэй-чжунь владивостокскому 2 гильдии купцу Карлу Георгиеву Гольденштедту часть участка. 183 кв. с. и 1 кв. аршин».

Дальновидности Карла Георгиевича можно только позавидовать. Выкупив 831 кв. метр на первой линии, он сделал хороший задел на будущее. Первый дом Гольденштедта, построенный на углу Светланской и Алеутской, был одноэтажным, из красного кирпича и довольно небольшим. В 1894 году Карл Георгиевич его значительно расширил и надстроил второй этаж, и в 1899 году он был оценен в 40 тысяч рублей.

Остальное за купца сделала история. Исход русско-японской войны изменил судьбу Владивостока. Он остался единственным портом на Дальнем Востоке, со-

единенным с Центральной Россией железной дорогой. Город начал расцветать, появилась перспектива стать крупнейшим центром русской торговли на берегах Тихого океана. Но последствия русско-японской войны сказались на жизни города.

Владивосток был переполнен солдатами, ожидавшими увольнения домой и уставшими от войны и неопределенности. Местный гарнизон был переполнен, и недовольство служащих росло. 30 и 31 октября 1905 года разъяренная толпа запасников и кадровых матросов начала крушить в городе все, что попадалось на пути. Они грабили магазины, разоряли рестораны. Город снова пылал в огне, охватившем большую часть Светланской улицы. Сгорели лучшие строения, начиная от железнодорожного переезда до Алеутской улицы. Полностью был уничтожен великолепный дом Галецкого. Наутро от престижной улицы остались лишь выжженные руины и пепел.

Восстание было подавлено войсками генерала Мищенко. Сразу же ввели войска Маньчжурской армии. Казарменный фонд был не в силах вместить пополнение. Их было более 60 тысяч человек, почти в четыре раза больше положенного. Не имея достаточного количества помещений, войска ютились в тяжелых условиях. Можно было встретить офицеров с семьями, живших в землянках или в бараках.

Спрос на аренду квартир во Владивостоке в те годы был очень велик. Пользуясь случаем, домовладельцы взвинтили арендную плату. Уцелевшие от пожара гостиницы были переполнены. Был даже случай, когда за неимением свободных комнат двое провели ночь на бильярдном столе за 1,50 руб.

Не обошел пожар и дом Гольденшtedта. Именно тогда, в 1906 году, Карл Георгиевич начал строительство гостиницы «Централь». Купец и предприниматель Гольденшtedт понимал всю перспективу будущего сооружения.

Проектируя отель «Централь», Владимир Карлович Гольденшtedт максимально использовал земельный участок, продумал все до мелочей. Отель «Централь» построили очень быстро и к сентябрю 1907 года окончили внутреннюю отделку. Из «Оценочных списков для взимания оценочного сбора» известна стоимость здания – 160000 рублей. К моменту сдачи объекта во Владивостоке уже действовала адресная система, и каждый домовладелец был обязан повесить табличку с названием улицы и номером дома. Отель «Централь» получил адрес: улица Светланская, 11. Под этим номером здание простояло до 1923 года. К Владимиру здание перешло по наследству в 1910 году, после смерти Карла Георгиевича.

С приходом новой власти было принято постановление Дальревкома о муниципализации части домовладений города Владивостока. В числе 24 домов были муниципализированы дома наследников Скидельского, Радомышельского, Гольденшtedта и т.д. В великолепном особняке бывшего отеля разместился комхоз.

Одним из самых ярких строений является дом Демби. Доходный дом был построен по заказу шотландского рыбопромышленника Г. Ф. Демби в 1908 году. До революции в здании находились торговые магазины Грушко и Чернега, Товарищество Пташникова, книжный магазин Барашкова, где кроме книг покупателям предлагали

богатый ассортимент красок, кисти, багеты, картины. В 1912 году в доме Демби размещались вице-консульство Великобритании и отель «Немецкий», переименованный в начале Первой мировой войны в «Националь».

Бывший дом Демби.

Доходный дом Л. С. Скидельского, владельца деревообрабатывающих и цементных заводов, угольных месторождений, был построен в 1909 г. Дом как бы стекает по улице, повторяет рельеф, не тронутый строителями. Для этого специально построили подпорную стену как ограждение от сопки. Благодаря чему сохранили ландшафт.

Еще один проект – театр-кабаре «Лотос» на Алеутской улице – В. Гольденшtedту заказал предприниматель Ю. Катчан в 1908 году. В стенах увеселительного заведения после революции разместился клуб имени Ф. Э. Дзержинского.

Бывший доходный дом Скидельского.

Бывший театр-кабаре «Лотос». Фото 1983 г.

В 1909–1910 годах Владимир Гольденштедт построил одноэтажное здание городской школы на Китайской улице, 14 (ныне Океанский проспект) по заказу дочери чиновника Л. П. Черепановой. Она подарила городским

властям участок земли на пересечении Китайской и Фонтанной улиц с условием, что школа будет названа именем ее покойного брата, бывшего судьи Владивостокского окружного суда Николая Петровича Черепанова.

Черепановская гимназия.

Здание Железнодорожного собрания было построено в 1912 году и использовалось в качестве клуба для служащих Уссурийской железной дороги и железнодорожной школы при нем. Железнодорожное собрание имело свой устав и создавалось на профессиональной основе. Здесь проводились благотворительные вечера, концерты, была своя библиотека.

В 1916 году приемные дети Карла Георгиевича Гольденштедта вернули себе фамилию и отчество своего отца Федора Никифоровича Ливина. Связано это было с проблемами, возникшими вследствие начала Первой мировой войны для проживавших в России немцев. Так Владимир Карлович Гольденштедт стал Владимиром Федоровичем Ливиним.

Здание бывшего Железнодорожного собрания.

В 1922 году Владимир Федорович Ливин вместе с семьей и племянницей Ниной Павловной Ливиной (Гольденштедт) успел эмигрировать в Шанхай до прихода новой власти.

ГОЛОСА ШАНХАЯ

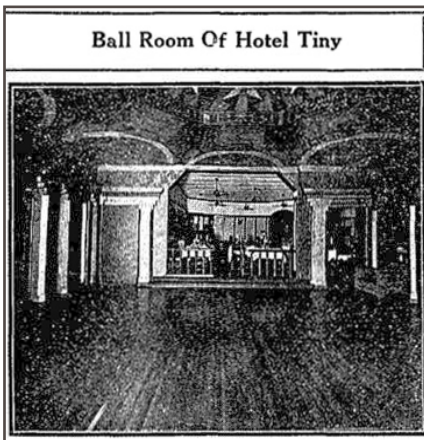
Перелистывая подшивку шанхайских газет 1929 года, рассматривая ветхие, потускневшие от времени страницы, невольно задерживаешь взгляд на портрете элегантного молодого человека, с модным пробором на голове и в солидных очках. За академической строгостью прячется располагающая, едва уловимая улыбка. Рядом с портретом размещены рекламные фотографии залов и номеров давно забытого всеми шанхайского Hotel Tiny, построенного в 1928 году русским архитектором Владимиром Федоровичем Ливиним.

Надпись под портретом архитектора гласит: «В. Ливин, архитектор Корпорации архитекторов и инженеров Восточной Азии, спроецировал и построил отель «Тину» на улице YuYuen, который был открыт в прошлый четверг. Его достоинство, кроме красоты, заключается в том, что он построен на небольшом участке земли. Фото сделано Sanzetti».

MR. W. LIVIN, architect, of the Eastern Asia Architects and Engineers Corporation, Ltd., who designed and built the Hotel Tiny on Yu Yuen Road, which was opened to the public last Thursday. The maximum of utility, combined with beauty, was obtained by the architect from a small piece of ground.—Photo by Sanzetti.

Миниатюрное здание отеля когда-то имело обширную светлую залу для приема гостей и уютные, меблированные комнаты для постояльцев. В наше время бывший отель «Тина» всего лишь жилой дом на несколько квартир для простых граждан.

Бальная зала отеля «Тина».

Фотографии отеля и самого Владимира Ливина принадлежат мастерской легендарного Сэма Санзетти (Семен Липшиц), прибывшего в Шанхай на весельной лодке. Находясь в состоянии крайней нищеты, двадцатилетний юноша первым делом сменил имя и, проработав пять лет учеником в чужом

фотоателье, открыл в 1927 году в Шанхае собственную студию на знаменитой Нанкин-роуд.

Вращаясь в высшем обществе, Санзетти научился передавать в своих работах атмосферу свободного духа Шанхая начала XX века. Со временем он стал выдающимся мастером и оставил более 20000 тонированных портретных фотографий. Раскрашенные вручную портреты шанхайских дам, представителей интеллигенции и

буржуазии, известных архитекторов, художников, поэтов, актеров театра и балета, предпринимателей или самых обычных людей стали символом целой эпохи. И спустя многие десятилетия они хранят память о давно забытых сынах России, разбросанных по всему миру в изгнании.

В нашем домашнем архиве сохранилась еще одна работа Санзетти – портрет племянницы архитектора Нины

Павловны Ливиной с мужем Валентином Штифельманом. Поражает утонченность, с которой Санзетти сумел передать шелковистость кожи и складки атласного платья, блеск волос и энергию взгляда молодых влюбленных.

Нина Павловна Ливина с мужем Валентином Штифельманом.

Дочь младшего брата Владимира Ливина Нина Павловна в первое время жила в его семье в Шанхае. В начале 1930-х годов она вышла замуж за гражданского инженера Валентина Штифельмана и родила сына Алешу. В конце 1940-х гг. Нина Павловна устроилась работать по специальности зубным врачом, а в 1941 году работала стенографисткой в компании Builders&TradersLd. Валентин Штифельман служил в отеле «Палас» – одной из самых крупных гостиниц города. Как раз рядом с отелем «Палас» на Нанкинской улице и размещалась фотостудия Сэма Санзетти. Отель был незаменимым поставщиком клиентов в его ателье.

Сохранились воспоминания о жизни Нины Павловны с Валентином Штифельманом в Шанхае. Сын Валентина от первого брака, Олег Штифельман, написал книгу воспоминаний «Крошка из Шанхая, или Маленький человек по пути в Царство Советское», где особое место уделяет второй семье отца, часто гостеприимно принимавшей его у себя дома.

«Вскоре я познакомился с женой отца (Ниной Павловной) и своим младшим братом по отцу Алексеем и стал

бывать у них дома. Нина Павловна была зубным врачом по специальности, но предпочитала сидеть дома и часто страдала мигренью. Квартира была довольно запущена,

Штифельманы: Валентин Николаевич, сын Алеша, Нина Павловна.

и отец, прибегая с работы в перерыв, занимался стиркой и готовкой. В то время он работал главным инженером в отеле «Палас» – крупнейшей гостинице в Шанхае. Он как-то взял меня с собой и показал личные апартаменты миллионера Сассуна, который владел огромным количеством недвижимости по всему миру. Все комнаты были устелены персидскими коврами, а выложенная черным мрамором ванная была размером больше, чем наша столовая. Я впервые увидел роскошь, а ведь это было «дежурное» жилье, так как владелец появлялся очень редко.

Мои отношения с семьей отца сложились неплохие: я бывал у них, ходил в кино с Ниной Павловной, играл с Алешкой, который был на 10 лет младше меня. Отец выделял через мать какие-то деньги на мои нужды, но это были небольшие суммы, так как он обеспечивал не только свою семью, но и своих родителей. Надо сказать, что дед Николай Алексеевич перестал работать в 45 лет и потребовал, чтобы сын (мой отец) его содержал. Таким образом, у моего отца хватало забот»¹.

¹ Штифельман О. Крошка из Шанхая, или Маленький человек по пути в Царство Советское. Часть вторая. 1944 год // Русский клуб в Шанхае. URL: <https://www.russianshanghai.com/tag/oleg-shtifelman> (дата обращения 18.07.2019).

В 1930-х годах Шанхай стал мировой легендой. В то время, когда другие государства переживали Великую депрессию, Шанхай постепенно превращался в процветающий коммерческий и культурный центр, с крупным торговым портом, лучшей архитектурой, искусством и самым мощным бизнесом в Азии. Шанхай удовлетворял любые прихоти и потребности состоятельных людей – к 1930 году здесь насчитывалось 60 тысяч крупных иностранных бизнесменов. Центр Шанхая был переполнен изысканными ресторанами, ночными клубами, борделями, танцевальными и концертными залами. Роскошь и порок, нищета и богатство со всеми вытекающими последствиями, очарование и полная деградация – таким был облик Шанхая 1930-х годов.

Трехмиллионный город отличался особенной изощренностью, с одной стороны, и крайней нищетой и отчаянием – с другой. «Париж Востока» был одним из немногих мест, принявших в свои стены тысячи русских эмигрантов, предоставив им полную свободу. Никаких паспортов, никаких адресов и прописок, никакого контроля. Как сложились судьбы людей, зависело прежде всего от них самих, от случая и от возможностей. Многие аристократы были вынуждены работать на самых черных работах, а женщины высокого происхождения – ночной прислугой.

Архитектору Владимиру Ливину повезло. Полученное блестящее образование послужило фундаментом всей его жизни. А богатство и роскошь Шанхая начала 1930-х годов положили начало строительному буму невероятных масштабов, тем самым предоставив возможность русскому архитектору развернуться в полную силу. В моду вошел стиль ар-деко, и в течение не-

скольких лет город преобразился. Украшением Шанхая стали такие выдающиеся архитектурные шедевры, как ParamountBallroom, Cathay Hotel, «Большой театр» и т.д. По свидетельствам историков, в Шанхае небоскребов было больше, чем в самой Америке.

Коммерческим центром города стала Нанкинская дорога с великолепными универмагами, архитектурными сооружениями, построенными ведущими строительными компаниями. Китайская корпорация WingOn, принадлежавшая семье Квок, владевшей крупной недвижимостью в Шанхае, стала основным заказчиком Владимира Ливина.

Astrid Apartments.

Один из его главных проектов – восьмиэтажное жилое здание в стиле ар-деко в центре бывшего французского квартала, на пересечении Nanchang Road и Maoming Road, построенное в 1933 году. Изначально оно называлось The Astrid Apartments. Со-

временные жители называют его башней Наньчан.

В свое время это многоквартирное здание было очень престижным благодаря преобладанию однокомнатных квартир, удобных как для проживания, так и для работы. Изначально оно предназначалось для иностранцев, и, несмотря на высокую арендную плату, основными жильцами «Астрид» были русские эмигранты разных

сословий и разных профессий. Многонаселенное здание позволяло им расширять профессиональные связи, чем обеспечивало работу.

В 1935 году на первом этаже в здании разместился офис самой известной русской фотостудии «Жорж» (George Photo Studio). Хозяином студии был русский эмигрант Георгий Оджагян. Ателье пользовалось большим спросом, особенно во время японской оккупации, когда каждый русский, не имевший гражданства, должен был иметь при себе документ с фотографией.

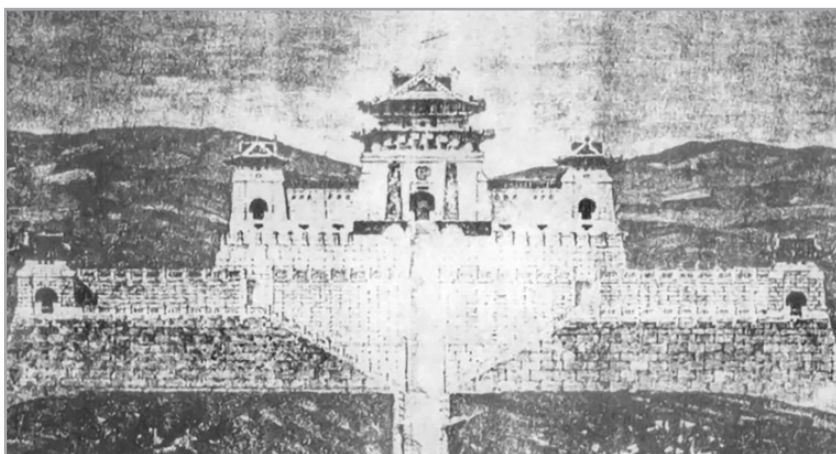
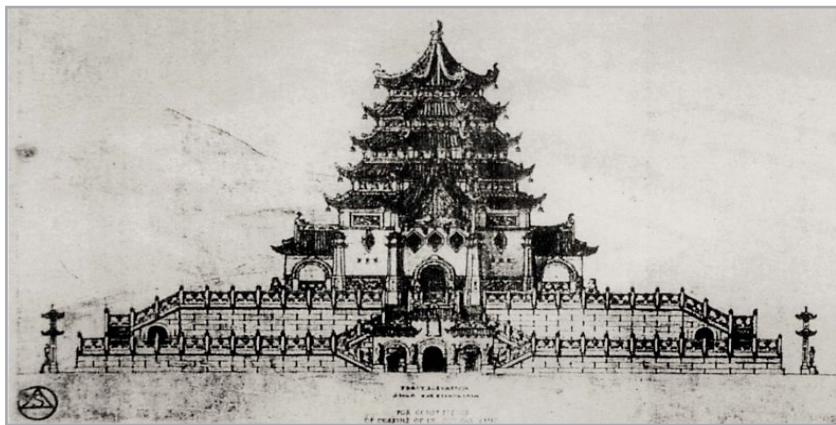
Возвышающееся над соседними домами здание Astrid – первое высокое сооружение в стиле ар-деко на территории бывшей французской концессии. Стиль ар-деко пришел в Шанхай из парижского салона декоративных искусств 1925 года и сразу обогатился элементами азиатской культуры.

Из регистрационных карточек русских эмигрантов известно, что архитектор В. Ливин жил с семьей по адресу: 261 Route Amiral Courbet. В июле 1938 года он с женой Анной Владимировной и дочерью Ириной (родилась 16 мая 1912 года во Владивостоке) посетил Дайрен, а в июле 1940 года ездил в Циндао, где шло грандиозное строительство и была острая необходимость в работе архитектора. Последняя дата регистрационной карточки Ирины – 22 октября 1945 года. Видимо, после этого она вышла замуж и сменила фамилию.

Одно из первых упоминаний имени Владимира Ливина в общественной жизни Шанхая встречается в акте передачи консульства России в Шанхае в июле 1924 года Генеральному консульству СССР. В акте от 24 июля 1924 года, находящемся в Архиве внешней политики Российской империи, сказано: «В 3 часа пополудни Приемочная комиссия в составе уполномоченного НКВД Союза Советских Социалистических Республик в Шанхае Р. О. Элледера, представителя Центросоюза М. А. Сугака, секретаря Представительства В. Д. Чистякова и делопроизводителя В. А. Жевровского, при участии архитектора В. Ф. Ливина прибыли в здание бывшего Генерального консульства на предмет приемки означенного здания от китайских властей, представители коих для сдачи здания, инвентаря, архивов, денежных сумм были: старший секретарь комиссара по иностранным делам провинции Цзянсу и делегат по передаче здания бывшего Генерального консульства г. Чэн Шигуан и секретарь комиссара по иностранным делам провинции Цзянсу и делегат по передаче здания бывшего Генерального консульства г. Чжоу Дин»¹.

¹ АВПРИ. Ф.312. Оп.2. П.5. Д.2. Л.1–6–6.

Судьба российского Генконсульства в Шанхае оказалась трагичной. Построенное заслугами В. Ф. Гроссе здание было самым красивым дипломатическим учреждением России за рубежом. Но в связи с революцией все дипломатические учреждения царской России были закрыты и переданы в руки новой власти. Генконсульство в Шанхае постигла такая же участь, и к моменту передачи здание находилось в плачевном состоянии.

Проекты мавзолея Сунь Ятсена архитектора В. Ливина.

Владимир Федорович принял участие в конкурсе проектов на строительство мавзолея Сунь Ятсена, который умер в Пекине в начале 1925 года. 5 мая того же года состоялся конкурс архитектурных дизайнеров с целью отобрать лучший проект. В газетах разместили рекламные объявления для привлечения лучших архитекторов – не только Китая, но и зарубежных.

Дизайн мавзолея должен был придерживаться древнекитайского стиля, и, кроме того, строительство не должно было превышать в затратах более 300 тысяч юаней. Всего на конкурс предоставили свои работы более 40 архитекторов. Собравшийся в Шанхае 20 сентября 1925 года комитет выбрал проект китайца Лу Янжи. Проекты, представленные Ливиним на конкурс, заняли 5, 6 и 7 места, что говорит о разносторонних способностях архитектора.

Но по-настоящему он реализовал свой талант в стиле ар-деко. Ар-деко – особый стиль с изысканными кривыми и геометрическими линиями, яркими красками и при этом отличающийся сдержанностью. Его расцвет в Европе и Америке совпал с большой экономической депрессией 1930-х годов и поэтому не был воплощен в полной мере. А Шанхай был особенным местом, где вопреки сложившейся мировой катастрофе происходил невероятный подъем в экономической, культурной и особенно архитектурной жизни. Здесь стиль ар-деко обрел популярность как нигде.

Красота декоративных элементов здания The Astrid Apartments, спроектированного Ливиним, настолько впечатляет, что Тесс Джонстон и Дик Эрх использовали его фото при оформлении обложки своей книги

«ShanghaiArtDeco». Чтобы увидеть Astrid Apartments во всей полноте, рассмотреть «лицо» и ощутить дух пропитанного историей здания, нужно пройти по черно-матовым плиточным лестничным пролетам. Подняться по украшенным мозаичным ступеням, пройти через главный и боковые входы, отличающиеся собственными оригинальными украшениями, выйти на улицу и сквозь обнаженные ветви многовековых платанов рассмотреть шедевр русского архитектора.

Два грандиозных крыла Astrid Apartments соединены восьмиэтажной центральной башней, напоминающей корабль. Декоративная панель фасада с геометрическими узорами символично украшена выступающей колонной с орнаментом мотива восходящего солнца и завершена утонченным шпилем. Все три входа в Astrid Apartments украшены стилизованным изображением восходящего солнца, придающим зданию особенную атмосферу.

Astrid Apartments.

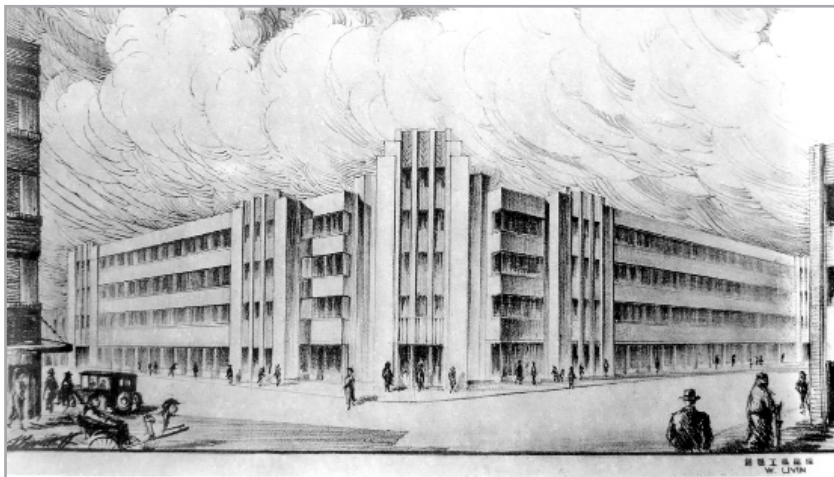
В 1994 году Astrid Apartments (Наньчан) были отнесены к числу выдающихся исторических зданий Шанхая.

В наши дни Astrid Apartments – это архитектурное сооружение с множеством мелких предприятий и частных квартир. Поржавевшие от времени окна, грязные стены в длинных тусклых коридорах, отбитая за годы напольная плитка и скрипучий лифт создают атмосферу запустения. Дух общего распада и пренебрежения государственным жильем не в силах скрыть изящность стиля ар-деко, особенно сохранившуюся в элегантных дверях с классическим геометрическим рисунком и в изысканных оконных решетках.

На крыше Astrid Apartments не слышен шум Шанхая. Здесь тихо, и с высоты восьмого этажа хорошо видны зеленые окрестности города. Развешанное по всей крыше на веревках белье из прачечных слегка парусит под прохладным ветерком. Отсюда виден весь город с его бурлящими улицами, спешащими прохожими, несущимися автомобилями и пролетающими над кронами деревьев птицами. Здесь особенный мир, тот же, что и много лет назад. И нетрудно представить, как поднимались на крышу первые русские эмигранты, чтобы на время забыться и представить себя на родине или встретить рассвет, поймать первые лучи поднимающегося с востока солнца. Со стороны, где осталась их родина.

В середине 1930-х годов фирма «Корпорация архитекторов и инженеров Восточной Азии», в которой работал Владимир Ливин, исчезла из реестра архитекторов. Владимир Федорович, работая по найму в архитектурных компаниях, оставался анонимным автором, из-за чего многие его работы остались для нас неизвестными. Иногда жизнь преподносит новые сюрпризы, и из временного пространства появляются работы

архитектора. Так, на одном из аукционов несколько лет назад была продана работа с инициалами В. Ливина. Видимо, это был его очередной архитектурный проект в Шанхае, до сих пор оставшийся для нас неизвестным.

Один из неизвестных проектов В. Ливина.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ В ШАНХАЕ

Апартаменты King Albert, Cnr Rue Roi Albert и Route Lafayette – одна из самых известных и престижных французских резиденций в Шанхае. Здания были построены в 1930 году по проекту В. Ф. Ливина, чье имя увековечено мемориальной доской. Строили резиденцию по заказу католической церкви Парижа, и долгое время она

Мемориальная табличка с именем архитектора Ливина.

принадлежала французской концессии. Расположенные рядом с культурным центром Шанхая, апартаменты King Albert в 1994 году удостоились статуса памятника архитектуры Шанхая.

Территория резиденции занимает 1,7 гектара земли. 16 четырехэтажных зданий в форме бабочек стоят симметрично друг другу в шахматном порядке и разделены тротуарами с зелеными ограждениями, оранжереями и садами вечнозеленых деревьев, благодаря чему квартиры наполнены дневным светом и свежим воздухом. Многослойные краснокирпичные крыши завершают тонкие светлые пики, изысканно сочетающиеся по цвету с фасадами. Светло-желтые цементные стены украшены вставками из красного кирпича под цвет крыш.

Еще не успели завершить строительство King Albert, как в резиденции начала селиться интеллигенция. История King Albert богата воспоминаниями известных киноактеров, журналистов, фотографов и других знаменитостей. Здесь жил фотограф Шу Цзунцяо, киноактер Ван Данфэн, репортер Ронг Динчан, а в 2010 году в элитных апартаментах останавливался король Бельгии Филипп. Некоторые квартиры до сих пор хранят утварь и предметы домашнего обихода прежних владельцев.

Одну из квартир в 1930 году купил владелец фабрики кожаных и меховых изделий родом из Сибири. Он приехал в Шанхай с мечтой открыть свое дело и довольно быстро освоил местный рынок. До сих пор сохранились оставшиеся после него обеденные столы из тикового дерева, широкие тиковые лестницы, ведущие на второй этаж, великолепные ковры, а в фойе стоит старинное немецкое фортепиано. Маленькие стеклянные и латунные ручки, оригинальные наборы бокалов, светильники

и фонари, сохранившиеся с 1930-х годов, можно встретить почти в каждой квартире резиденции.

Все здания при входах оснащены просторными фойе с аутентичным мозаичным полом, цветочными плитками в коридорах, по которым ходили на протяжении многих десятилетий люди разных профессий, национальностей и сословий. В каждой квартире есть зала, гостиная, две спальные комнаты, столовая, кухня, ванная комната и спальная для горничной.

В центре каждой гостиной полукруглый застекленный восьмиугольный павильон выходит на южную сторону, благодаря чему в квартирах много дневного света. Гостиные разделены со столовыми раздвижными дверями.

Можно долго перечислять преимущества апартаментов резиденции перед современными постройками. Пешеходные дорожки, многочисленные зеленые скверики, автомобильные дороги с парковкой, ухоженные клумбы с редкими растениями – все свидетельствует о хорошей дизайнерской работе архитектора.

В 1956 году Владимир Федорович Ливин с супругой и дочерью эмигрировали из Шанхая в Америку. В Нью-Йорке на улице Албани в мае 1979 года проживала 89-летняя Анна Ливина. Видимо, Владимира Федоровича к тому времени уже не стало. Неизвестно, успел ли он оставить после себя архитектурные сооружения в Америке. Вряд ли: в год появления в Нью-Йорке ему исполнилось уже 75 лет.

Владимир Федорович оставил богатое наследие в области архитектуры, навсегда оставив свое имя в великолепных особняках Владивостока и модернистских сооружениях Шанхая. Человек ушел, но живут и служат людям его труды.

Глава вторая ПАВЕЛ

Павел родился 20 декабря 1881 года во Владивостоке. Есть основание предполагать, что родным отцом Павла был Карл Георгиевич. Все дети губернского секретаря Федора Ливина были рождены в законном браке. Единственный ребенок, попадающий под «подозрение», – Павел. Поразительное внешнее сходство с

Карлом Гольденшtedтом только подтверждает догадки. С рождением Павла Агафья Васильевна со всеми детьми переселилась в дом Гольденшtedта.

В 6 лет Павел уехал с родителями на родину отчима в Дерпт, где прожил почти 10 лет и получил прекрасное знание немецкого и английского языков. Среднее образование он получил в Прибалтике, а в 1902 году окончил реальное училище в Санкт-Петербурге. Вернувшись на родину во Владивосток, юный Павел поступил на китайско-маньчжурское отделение Восточного института (1907 г.). 1 августа 1907 года он получил предложение остаться при институте на два года для подготовки к профессорскому званию. Вскоре он получил направление в Англию для углубленного изучения англо-саксонской филологии и весной 1908 года был зачислен слушателем Лондонского университета.

По возвращении в Россию Павел защитил звание магистра и начал интенсивную научную деятельность.

С 1 января 1910 года он начал преподавать английский язык и англо-американскую литературу в Восточном институте. Одновременно преподавал в нескольких вузах Владивостока и совершенствовал знание языков.

В 1913 году Павла Гольденшtedта командировали в Китай (Шанхай, Тяньцзинь и Пекин) и в Японию, где он изучал гибридные английские диалекты и стал первым преподавателем в этой области на Дальнем Востоке. В результате своих новых занятий Павел написал ряд работ: «Гибридный английский диалект «PidginEnglish» как средство общения между местным населением и колонизаторами в Китае» и «Методические приемы в преподавании английского языка в специальных языковедческих учебных заведениях Китая и Японии».

Он был награжден медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых (1913), орденом Св. Станислава III степени (1915). Чин до 1917 года – титулярный советник.

Занимался исследованиями в области синтаксиса английского глагола со времен начала книгопечатания в Англии и до современности. Изучал язык и стиль В. Шекспира. Владел английским, немецким, французским и китайским, а также скандинавскими языками¹.

В 1920 году Павел (с 1916 года – Павел Федорович Ливин. – **Прим авт.**) был доцентом кафедры английского языка и англо-американской литературы ДВГУ. В

¹ Труды П. Ф. Ливина: Гибридный английский диалект. Владивосток, 1914; Английская литературная хрестоматия. Владивосток, 1923; Учебник английского разговорного языка. Владивосток, 1928; Английский газетный стиль. Владивосток, 1930. Ч. 1.

1922 году он – председатель лингвистической предметной комиссии факультета восточных языков. С начала февраля 1923 года – профессор кафедры английского языка и англо-американской литературы ДВГУ. В 1928 году Павел Федорович организовал и возглавил лингвистическое учебное заведение «Практическая академия иностранных языков», которое в 1932 году было преобразовано в Дальневосточный краевой учебный комбинат новых языков.

В 1930–1931 годах Павел Федорович возглавлял кафедру английского языка Дальневосточного института народного хозяйства и как профессор заведовал кафедрой иностранных языков Дальневосточного политехнического института, а в 1932–1933-х годах по совместительству – кафедрой иностранных языков Дальневосточного института рыбного хозяйства. В 1933–1935 годах был профессором кафедры европейских языков вновь открытого ДВГУ.

Ливины: Павел Федорович
с сыном Николаем.

Николай Павлович
Ливин.

Нина Павловна
Ливина.

О дореволюционной жизни Павла Федоровича известно немного. Первая жена Павла Федоровича Ливина – Людмила Освальдовна Глизе, дочь Освальда Вильгельма Глизе. Старшая дочь Вера Павловна родилась 18 июня 1910 года. В 1927 году она поступила в медицинский институт. В 1930 году работала по специальности в Японии. Дочь Нина эмигрировала в 1922 году в Шанхай. Сын Коля был курсантом Владивостокского военного училища. Была еще младшая дочь Татьяна. О ней известно мало.

О том, как сильно любил Павел Федорович сына, свидетельствует трагический случай. В 1935 году П. Ф. Ливин был арестован по ложному доносу органами НКВД и осужден по ст. 58 УК к 5 годам лишения свободы без поражения в правах с содержанием в трудовых исправительных лагерях НКВД. Наказание отбывал в Вяземлаге.

Павлу Федоровичу оставался год ссылки, когда в одном из писем, полученном от близких друзей, он узнал о гибели любимого сына. Автором письма был директор Дальзавода Полянский, друг Коли Ливина. Он находился рядом во время артиллерийского учения в военном училище, когда взорвалась граната. Узнав о гибели сына, Павел Федорович стал планировать побег из лагеря. Он не мог не проститься с сыном. Слух о готовящемся побеге дошел до начальника лагеря. Он оказался на удивление порядочным человеком и не просто не сдал Ливина, но уговорил его отказаться от этой идеи: «Вам остался один год, а за побег вы получите еще 10 лет». Павел Федорович нашел в себе силы остаться.

В 1939 году он был досрочно освобожден за усердие на работах и сразу приехал в Томск, к вдове своего лучшего друга Николая Владимировича Попова. Анна Ивановна находилась в тяжелом материальном и социальном положении. История семьи Поповых мало чем отличалась от истории многих передовых семей, попавших в жернова сталинских репрессий. Николая Владимировича Попова расстреляли в 1937 году. Анна Ивановна осталась одна с дочерью Ариадной. После гибели мужа ее жизнь сильно изменилась. Друзья мужа по институту избегали общения с вдовой.

А. И. Горкина.

**Н. В. Попов с супругой А. И. Горкиной
и дочерью Ариадной.**

В августе 1940 года Павел Федорович и Анна Ивановна узаконили свои отношения. К этому времени Ливин уже был принят в штат Томского государственного педагогического института в качестве профессора английского языка и исполнял должность заведующего кафедрой иностранных языков. Распоряжением по Управлению подготовки учителей НКП РСФСР от 13 ноября 1939 года Павел Федорович Ливин был утвержден в должностно-

сти профессора кафедры иностранных языков ТГПИ.

На новом рабочем месте П. Ф. Ливин создал новый курс лекций на английском языке по лексикологии, истории языка и теоретической грамматике. Под руководством Ливина была переведена пьеса Б. Шоу «Пигмалион». Он глубоко изучал язык и стиль В. Шекспира, проводил исследования в области синтаксиса английского глагола. В годы Великой Отечественной войны, несмотря на свой возраст, Ливин активно участвовал в работах при выездах с институтом в колхоз и выступал с докладами перед студентами.

Семья Горкиных.

Анна Ивановна работала под началом мужа и даже стала соавтором одной из его работ по преподаванию английского языка. Она была старшей дочерью в семье строительного подрядчика и предпринимателя Ивана Горкина, родом из Тамбова. Во время развернувшегося строительства во Владивостоке он получил назначение и переехал со всей семьей. Анна первая из дочерей стала искать работу, прошла ускоренные курсы по машинопи-

си и устроилась в Инженерное управление Владивостокской крепости в отдел делопроизводства. Ей было всего 16 лет. Сохранилась редкая фотография юной Анны Горкиной с сослуживцами.

А. И. Горкина с коллегами по Инженерному управлению Владивостока.

Павел Федорович был старше жены на 23 года. Видимо, благодаря его любви и особому отношению она до старости сохранила свою красоту.

П. Ф. и А. И. Ливины в Томске. 1954 г.

**П. Ф. Ливин с внуками:
слева Коля, справа Алеша (сын Нины Павловны).**

В 1962 году Павел Федорович Ливин с семьей переехал в Омск. К этому времени он вышел на пенсию. В его комнате висели старинные часы с гирями и пружинным заводом на неделю. У Павла Федоровича была традиция – каждую неделю он поднимался на диван, открывал дверцу часов и заводил пружину. Однажды он не удержал равновесие, упал и получил перелом. В больнице он заболел воспалением легких и умер 30 апреля 1970 года.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ВНУК ФЕДОРА ЛИВИНА

Глава первая ПЯТЬ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ ПАВЛА МИТТА

Вы когда-нибудь замечали, что судьба человека бывает привязана к конкретному имени, названию места или к числам, которые сопровождают на протяжении жизни, невидимой нитью соединяя самые главные ее события? Так было с Павлом Миттом.

С раннего детства, в связи со скоропостижной смертью отца Владимира Мартыновича Митта, ветеринарного врача, Павел большую часть времени находился под опекой любящих бабушки Агафьи и дедушки Карла. С весны 1897 года семья Митт выезжала из собственного дома на улице Миссионерской во Владивостоке и направлялась в сторону порта, где их ожидало судно «Павел». Оно доставляло семью к пристани родового имения Новогеоргиевское на полуострове Де-Фриз.

В благоустроенной усадьбе, среди оранжерей и бесконечных плантаций проходила важная часть жизни детей. Здесь они получали основные уроки общения, учились верховой езде, ночной китайской рыбалке на джонках и даже обиходу домашней скотины. Новогеоргиевское славилось на весь Дальний Восток серьезным многоотраслевым хозяйством, снабжавшим мясными и молочными продуктами весь Приморский край.

Дачи Даттан (слева) и Агафьи и Карла Гольденштедт (справа).
Полуостров Де-Фриз.

От бабушки Агафьи Паша часто слышал историю о повстанце Андрее Пашкевиче, взятом в плен во время восстания 1830 года в Новогеоргиевской крепости под Варшавой. Своего деда Агафья помнила и боготворила. Жизнь распорядилась так, что название Новогеоргиевское сопровождало Павла Митта всю его жизнь.

На протяжении многих лет каждую весну на полуострове Де-Фриз собирались семьи близких друзей Гольденштедтов, и тогда имение оживало от неугомонных детских голосов, смеха и игр. Время от времени старый кучер запрягал долгушу и объезжал дачи, собирая детей для прогулки по острову. Долгуша – экипаж на длинных дрогах – в хорошую погоду набивалась до отказа. Детей на полуострове гостило много, но четверо братьев Митт особенно украшали размеренную дачную жизнь, и когда приходило время их отъезда, полуостров Де-Фриз пустел.

В числе гостей Новогеоргиевского были американка Элеонора Прей и ее малышка Дороти. Они провели в Новогеоргиевском более 15 летних сезонов. Гольденштедты выделили им небольшую усадьбу с землей

для посадок и теннисный корт. В своих письмах домой Элеонора оставила яркие воспоминания о том, что происходило на даче, но особенно она привязалась к мальчикам Митт: «Мне так жаль, что они уехали [назад, в школу], ибо они прекрасные мальчики, и они были повсюду со своими пони, лодками, собаками, сачками для бабочек и пр., они очень общительные ребята».

Дача «Сей-ю-за» со стороны дороги, которая идет на север,
в южной части полуострова Де-Фриз.
Прей с г-жой Смит снимали эту дачу с 1908 по 1922 год.

В одном из своих писем она красочно описывает Новогеоргиевское:

«Мне хотелось бы на минутку дать вам мои глаза, чтобы вы могли хотя бы мельком взглянуть [на вид]. Мой стол стоит перед западным окном, и, поднимая глаза, я вижу дорогу, угол парка и синюю воду сквозь дубы. Если я смотрю в окно справа от меня, я вижу воду поверх кустарника в нашем саду. В любую сторону до нее пять минут ходьбы, а синева воды в эти осенние дни просто изумительна».

Среди частых гостей Гольденшtedтов была семья Юлия Ивановича Бринера, создавшего в конце XIX века на Дальнем Востоке индустриальную империю. Рожденный в Швейцарии, владивостокский купец 1-й гильдии Юлий Иванович был совладельцем Торгового дома «Бринер, Кузнецов и К°» и, кроме того, владел свинцово-цинковыми рудниками в Тетюхе. До сих пор остается загадкой история происхождения его состояния. Позже внук Юлия Ивановича, известный голливудский актер Юл Бриннер, прославившийся благодаря фильму «Великолепная семерка», сложит свою легенду о том, как его дед стал одним из богатейших людей царской России. Но это уже иная история.

С раннего детства Паша Митт дружил с младшей дочкой Юлия Ивановича Ниникой (Ниной). Она была моложе Павла на три года, и веселый, легкий в общении мальчик завоевал ее детское сердце. Детские забавы, крепкая подростковая дружба, а позже и любовь сблизили Павла и Нину.

Павел Митт отличался особой жизнерадостностью, ненасытностью в чтении книг, любопытством к наукам. Он был способным юношей – ездил верхом, собирал коллекцию бабочек, играл на музыкальных инструментах, прекрасно пел, изучал историю, географию и военное дело. Со временем любознательность и неутомимость привели Павла к новому увлечению – авиации. Сначала он вырезал картинки аэропланов из газет и журналов, собирал статьи, коллекционировал марки с изображением первых летательных аппаратов и мечтал о полетах, но со временем мальчишеские мечты окрепли и превратились в твердо поставленную цель.

Другим достоинством Павла была его щедрость. Получив образование во Владивостокской мужской гимназии при Восточном институте в 1911 году, Павел Митт отправился в Петербург, где поступил в Политехнический институт. В июле 1914 года он вернулся в Новогоргиевское и на одном из обеденных приемов устроил благотворительный базар в помощь университетским малоимущим друзьям. «Он собрал более восьмидесяти рублей, которые пойдут, как он говорит, на покупку верхней одежды для трех его друзей»¹.

А в августе 1914 года вопреки воле родителей Павел записался добровольцем в армию и был полон «такого воодушевления относительно всего этого, что сердце начинало болеть при виде его сиявшего, счастливого лица»². Элеонора Прей привязалась к Павлу как к родному сыну. Он вырос и возмужал на ее глазах, был любимцем, и о нем она оставила в своих письмах самые теплые и живые воспоминания:

«Мы только что проводили Пашу, и это было так ужасно! Мы сделали несколько групповых фотографий, выпили чаю с госпожой Митт (Пашиной матерью), а затем спустились к пристани. Бедная госпожа Митт еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться и не расстроить Пашу – как, впрочем, и все мы, – мы постарались, чтобы проводы прошли как можно лучше. Я спрашиваю себя, увидим ли когда-нибудь нашего дорогого мальчика снова?»³.

Чудом сохранилось письмо Павла с фронта к дочери Элеоноре:

¹ Из письма Э. Прей от 27.07.1914 г. к своей тетке Анне Гаптилл.

² Из письма Э. Прей от 03.08.1914 г. в Новую Англию, т. е. родителям г-жи Прей и ее сестре Кларе.

³ Из письма Э. Прей от 05.08.1914 г. в Новую Англию.

«1.10.1914. «Милая маленькая Доротея! Большое спасибо за травку с четырьмя листками – я постараюсь быть счастливым. Сейчас я уже не студент, а офицер и стреляю из пушек в немецкие аэропланы. Один аэроплан уже подстрелили 13 сентября. Если я буду жив и вернусь с войны, то привезу на память доброй Доротее кусочек от разорвавшегося немецкого снаряда. Поцелуй маму, папу и тетю Смит. Если письмо прочесть трудно, то попроси Колайку, он с удовольствием все расскажет. Паша Mitt шлет для Доротее сердечный привет. Паша».

Павел Митт получил направление в 5-ю роту Новогеоргиевской крепостной артиллерии в чине прапорщика. Позже он пишет прошение о переводе в 1-ю батарею 1-го тяжелого дивизиона все той же Новогеоргиевской артиллерии, занимавшей в то время боевые позиции на рубеже Северо-Западного фронта.

За мужество и отвагу Павел Митт был представлен к боевым наградам, среди которых орден Св. Анны 4-й степени с отметкой «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Все свои ордена, заслуженные в боях, выполненные из драгоценных металлов, Павел передал в фонд помощи голодающим полякам, оставив при себе лишь сопровождающие их документы.

В мае 1915 года Павел Митт во время боя попал под газовую атаку и был отправлен на длительное лечение. Вместо отъезда в тыл он написал прошение с просьбой оставить его в рядах действующей армии. 25 августа 1915 года поступил приказ о назначении Павла Мит-

та обер-офицером для поручений и начальником связи дивизиона. Благодаря новому назначению Павел часто посещал Петроград, где получил возможность встречаться с Ниной Бринер.

Нина Бринер.
Фото с сайта bryners.ru

Нина ради этих встреч перебралась в Петроград. С сестрой Марией они записались в отряд сестер милосердия и с октября 1914 года начали работать в лазарете Петроградской Покровской общины. В один из приездов Павел сделал Нине официальное предложение и получил от нее согласие, а также от родителей обеих сторон. Тяжелые ночные дежурства у больничных коек подорвали Нинино здоровье, и свадьбу отложили на весну, до ее полного выздоровления.

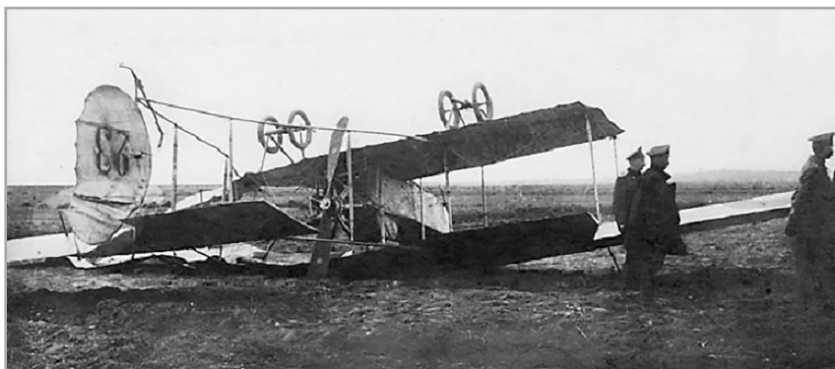
А Павел, в силу своего неугомонного характера, подал еще одно прошение и 29 октября по приказу генерала Конзеровского получил назначение в Гатчинскую военно-авиационную школу, где стал одним из лучших учеников. Так Павел осуществил обе мечты юности: стал военным летчиком и женился на своей первой любви – Нинике.

Свадьбу сыграли 16 апреля 1916 года в кругу родных и близких друзей. В связи с военными действиями праздник был скромным, без особых торжеств и застолий. Да разве это было важно? Измученная долгими разлуками

и постоянным беспокойством за Пашину жизнь, Нина наконец была рядом с любимым мужем.

Пять дней вместе. Пять дней долгожданного счастья. Пять дней исполненных желаний и надежд, соединенных крепкими узами брака.

21 апреля 1916 года крестьяне села Подгорного увидели в небе над Пулково аэроплан. Выполняя тренировочный полет, аэроплан попал в воздушную яму и резко перевернулся. После того как летчик выровнял «Фарман», самолет перевернулся вторично. Летчик вылетел из кабины, а пролетевший несколько метров аэроплан рухнул на землю.

Авария Павла Митта. 16 апреля 1916 г.

Выписка из приказа по Военной авиационной школе за № 149:

«21-го сего апреля, переменного состава школы, Прапорщик I – тяжелого дивизиона Новогеоргиевской крепостной артиллерии Павел Владимирович Митт, совершая перелет Гатчина – Петроград на аэроплане «Фарман» тип XXII № 23, на обратном пути из Петрограда вблизи Пулковой горы упал и разбился насмерть.

Названного обер-офицера исключить из списков переманного состава школы с того же числа.

Справка: Рапорт врача школы № 142.

Подлинник подписал: Вр. и. д. начальника Военной авиационной школы, военный летчик капитан Гончаров».

Боль от невозвратной потери только начавшего свою жизнь Паши передают дошедшие до наших дней письма Элеоноры Прей:

«Удар, который обрушивался на многие тысячи домов в последние месяцы, обрушился, в конце концов, и на Новогоргиевское, и наш блестящий, славный Паша погиб – как, мы не знаем, но, вероятно, выпал из аэроплана, поскольку в последние несколько месяцев он был в школе авиаторов.

Тридцатого [апреля] они с Ниной [Бринер] поженились – сегодня две недели как, а пять дней спустя его не стало. Мысль о Нине невыносима, ибо они с Пашей были влюблены друг в друга еще со школьной скамьи, и только ее внушающее опасения здоровье помешало им вступить в брак минувшей осенью... Я ходила на службу в собор, и старый священник, который, как я узнала позже, учил Пашу целых восемь лет, говорил так хорошо, и его собственный голос два или три раза чуть не сорвался... чем я была поражена, даже не подозревая, что он знал Пашу лично и, вероятно, любил его – так же, как и все. В пятницу я пошла к г-же Митт и застала ее лежавшей в затемненной комнате, просто оцепенелой от горя, но все равно всю в предельном напряжении от ожидания телеграммы, из которой можно было бы узнать, что же на самом деле произошло. Первая телеграмма шла четыре дня, а с тех пор – ни слова».

Получив телеграмму о его смерти, семья почти целый месяц ждала известий из Гатчинской авиационной школы о подробностях гибели Паши. Дни ожиданий и предположений тянулись вечность. Казалось, что жизнь остановилась. Семью даже не известили о том, что 24 апреля 1916 года, через три дня после гибели, Павел был отпет в соборе Святого Апостола Павла в Гатчине священником Алексием Благовещенским и похоронен со всеми воинскими почестями на местном кладбище.

Нарушив обычаи, в гатчинской печати даже не упомянули о случившемся. Сохранился лишь официальный отчет Гатчинской военной авиационной школы с приложенными к нему двумя фотографиями с места аварии: искореженный, перевернутый вверх колесами аэроплан и в нескольких метрах от него – изувеченное множеством переломов тело 24-летнего Павла. К ним прилагалась открытка с тем же изображением. Простая почтовая открытка для писем с фотографией с места гибели Павла Митта. Эти две пожелтевшие от времени фотографии до сих пор хранятся в архивах музея г. Гатчины.

Подробности трагедии в небе над Пулково родные узнали от Пашиных сокурсников, очевидцев события.

«Мы наконец услышали подробности Пашиной гибели, и, как ни старались скрыть от г-жи Митт всю правду, это было невозможно. Ей все время говорили, что он умер от сердечного приступа, опасаясь того потрясения, какое ужасная правда могла произвести в ее слабой нервной системе. Он был один в аэроплане, и какие-то крестьяне, которые наблюдали [за ним], увидели, как машина перевернулась (как обычно бывает, когда она попадает в воздушную яму), затем выправилась, а затем

перевернулась снова. Во второй раз Паша выпал и полетел головой вниз – последствия можно себе представить. Машина пошла вниз благополучно.

Бедная Нина – невеста в одно воскресенье и два дня как безутешная вдова в следующее. В минувшую пятницу она приехала с отцом и сестрою и большую часть времени проводит у постели г-жи Митт. Единственная ее молитва теперь, чтобы у нее мог родиться ребенок»¹.

Юная вдова замкнулась в себе и неделями не выходила из дома. Родные опасались, что она лишится рассудка. Тогда в утешение младшей дочери и по общему семейному решению Юлий Иванович Бринер взял на себя ответственность за перезахоронение тела Павла на родине. Администрация авиашколы не предполагала, насколько сильной бывает любовь близких.

Они не могли оставить дорогого всем Пашу лежать на чужбине. Семья пересилила бюрократическую систему и добилась эксгумации и перезахоронения тела. Запаянный цинковый гроб поместили в специально отведенное место багажного отделения, в котором он проехал по несносной жаре почти 10 тысяч километров из Гатчины во Владивосток. Всю дорогу рядом с гробом сидел старый денщик Гралько, приставленный к юноше для личной службы во время войны. Убитый горем старик отправился в дальний путь, чтобы до последней минуты быть рядом с ним. Много раз Паша обещал Гралько приют в родном имении, но думал ли денщик, что такой будет его судьба?

Во Владивосток печальный поезд прибыл 1 июля, а похороны состоялись 3 июля 1916 года. Газета «Дальний

¹ Из письма Э. Прей от 06.06.1916 г. в Новую Англию.

Восток» опубликовала некролог с объявлением времени и места прощальной церемонии. Множество людей прибыло на полуостров из Владивостока, чтобы проститься с другом.

Похоронили Павла на полуострове Де-Фриз в родном Новогорге на родовом кладбище рядом с любимым дедом Карлом Георгиевичем Гольденшtedтом, почившим в 1910 году.

«Из долгуши был сделан очень приличный катафалк, и гроб в течение суток стоял на нем под сенью огромных старых лип в парке, и здесь же прошла траурная служба – служил тот же старенький священник, что и в соборе.

Люди приехали из города поездом на 10.20, и служба прошла в полдень. Все цветы, какие только были в имении, пошли на то, чтобы покрыть гроб и этот временный катафалк, и некоторые венки были прекрасны: были также гирлянды из дубовых листьев, и дорога от парка к выложенной дерном аллее, ведущей к кладбищу, была устлана, словно ковром, дубовыми листьями. Кроме садовых роз, левкоев и анютиных глазок цвели дикие пурпурные ирисы, шиповник и луговые донники, и мы сделали из них несколько красивых гирлянд. Те же самые флаги, что так радостно развевались, когда Паша уходил на войну, вчера колыхались на середине флагштоков обеих дач по случаю его возвращения.

Трое его дядьев (Георгий, Владимир и Павел Гольденшtedты), его денщик и еще два друга несли гроб, а Коля (единственный из братьев, оставшийся дома, остальные были на войне) и некоторые из его школьных товарищей вырыли могилу. Старый генерал, под началом которого Паша служил здесь четыре года назад, приехал с эскор-

том из десяти артиллеристов из прежнего Пашиного полка. Служба у могилы была долгой, и опять старый священник говорил так хорошо!

Сердце разрывалось за г-жу Митт и Нину – тех двух, кого удар поразил сильнее всего, – и хуже всего становится тогда, когда думаешь, что их горе – всего лишь капля в океане страданий, вызванных этой войною. Нине нет еще и двадцати одного года, и при виде ее нежного печального лица слезы навертываются на глаза – особенно, когда вспоминаешь, а мы все вспоминаем, какой она была прежде...».

Со смертью Паши жизнь в Новогеоргиевском поблекла. За одной трагедией последовала следующая. Война распорядилась по-своему, и юноши, на которых возлагалась надежда, оставили этот мир раньше своих отцов.

«У меня сердце сжимается, когда я оглядываюсь назад и думаю о маленьких мальчиках, которые, как и Дороти, играли здесь двенадцать – пятнадцать лет назад. Паша лежит в земле, и его могилу на холме любящие руки покрыли цветами. Ади Даттан пал под Верденом, а теперь и Саша, старший из сыновей г-на Даттана, убит в Галиции. Он был кумиром своего отца, и ни к чему теперь накопленные тем миллионы, если нет сына, которого он растил себе на смену. А Гори Даттан и Женя Митт – оба в самой гуще схватки. Как хорошо я помню тот день, когда мы впервые приехали сюда шестнадцать лет назад, и мальчики все играли в войну, сделав небольшое укрепление в заброшенной яме для картофеля недалеко от пристани. Бедные мальчики – с тех пор им пришлось наиграться вдосталь в действительности»¹.

¹ Из письма Э. Прей от 06.06.1916 г. в Новую Англию.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Бабушка Павла Митта, Агафья Гольденштедт, урожденная Пашкеева, в 1924 году была похоронена на полуострове Де-Фриз рядом с мужем Карлом Георгиевичем и внуком Павлом. При новой власти имя Новогеоргиевское было разорено, и могилы не сохранились.

Нина Бринер так и не родила ребенка от Павла. Простившись с мужем, вдова вернулась в родительский особняк на Алеутской улице во Владивостоке и долгое время провела в полном уединении. Позже она вышла замуж за друга детства, однокурсника Павла по Владивостокской мужской гимназии Александра Степановича Остроумова. Умерла Нина 7 октября 1972 года и была похоронена на кладбище Alta Mesa Memorial Park в Калифорнии (США)¹. Спустя два года рядом с ней был похоронен А. Остроумов.

Элеонора Прей покинула Владивосток в декабре 1930 года. Она переехала в Шанхай к дочери и сестре. По неизвестным причинам они оказались в Перл-Харборе во время нападения японцев и были интернированы в японском военном лагере. Освободили их в 1943 году. Несмотря на запрет выносить из лагеря какие-либо бумаги или документы, Элеонора Прей спрятала под корсетом сохранившиеся письма и вывезла их на родину, в США. Сегодня в архиве хранится более 2 тысяч писем и альбом редких фотографий дореволюционного Владивостока.

Павел Митт вошел в историю Дальнего Востока как легендарный военный летчик. Он был одним из первых смельчаков-добровольцев, рискнувших подняться в небо на биплане «Фарман-22». И несмотря на то, что Павел по воле судьбы не совершил ни одного боевого полета, он успел получить звание военного летчика, благодаря чему его вдова до самой революции получала пенсию от правительства в размере 426 рублей в год (ровно половина годового жалования Павла).

Имя Павла Митта упоминается во всех туристических экскурсиях на полуостров Де-Фриз. И хочется верить, что он ушел из жизни счастливым.

¹ Бринер-Остроумова Нина Юльевна (12.11.1895 – 07.10.1972) // Семья Бринер. URL: <http://bryners.ru/main.php?bryner=19> (дата обращения 18.07.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базилевич М. Е. Гражданские инженеры-архитекторы Владивостока на рубеже XIX и XX веков / М. Е. Базилевич // Архитектон: известия вузов. – 2015. – № 2 (50). – С. 167–168.

2. Бильдзюкевич Г. С. Живописный альбом с приложением краткого описания замечательнейших видов и местностей на берегах р. Шилки, Амура и Восточного Океана. 1859 / Г. С. Бильдзюкевич, сост. Е. Н. Туманик, отв. ред. Д. Я. Резун ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Объедин. ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск : [ОИИФФ СО РАН], 2005. – 122 с. : ил.

3. Бринер Н. Жизнь в обмен на любовь [Электронный ресурс] // Бринеры. – Режим доступа: <http://bryners.ru/content.php?material=94> (дата обращения: 18.07.2019).

Выписка из Приказа по Военной авиационной школе 1916 года за № 149.

4. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / Ван Чжичэн ; [пер. с кит. Пань Чэньлонга и др.]. – Москва : Русский путь : Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2008. – 573 с.

5. Дело братьев Скитских, обвиняемых в убийстве Комарова : судебная хроника // Полтавские губернские ведомости. – 1900. – 26 мая (№ 113). – С. 1-2.

6. Дело Скитских в Сенате // Вестник права. – 1899. – № 8 (октябрь). – С. 195–215.

7. Жиганов В. Д. Русские в Шанхае : альбом / В. Д. Жиганов ; подгот. изд. и предисл. В. П. Леонова, Ю.В. Шестакова. – Санкт-Петербург : БАН, 2008. – 288 с.

8. Завалишин Д. Замечание на извлечение из отчета г. О. Эше и выписку из триестской газеты / Д. Завалишин // Вестник промышленности. – 1859. – Т. IV. № 10. Отд. VI. – С. 72–82.

9. Заседание Харьковской Судебной Палаты 16–20 марта 1899 г. по делу братьев С. и П. Скитских // Право. – 1899. – Прил. к № 13 (28 марта). – Стб. 1-74.

10. Иваненко Д. А. Записки и воспоминания 1888 – 1908 гг. [Электронный ресурс] / Д. А. Иваненко. – Полтава, 1909. – Гл. 26: Свидетель по делу об убийстве Комарова Ливин. Его рассказы о Сахалине и сахалинцах. Допрос Ливина палатой. – Режим доступа: <http://histpol.narod.ru/books/ivanenko/026.htm> (дата обращения: 19.11.2018).

11. К делу об убийстве Комарова // Новое время. – 1900. – 20 мая (№ 8702). – С. 2.

12. К делу Скитских // Южный край. – 1889. – 23 нояб. (№ 9465). – С. 2.

13. Князева Е. Апартаменты Астрид – вклад русского эмигранта в

архитектуру Шанхая / Е. Князева [Электронный ресурс] // Магазета : интернет-издание о современном Китае. – Режим доступа: <http://magazeta.com/2016/11/arc-astrid/> (дата обращения: 18.06.2019).

14. Крадин Н. П. Русские инженеры и архитекторы в Китае / Н. П. Крадин. – Хабаровск : Хабаровская краевая типография, 2018. – 380 с.

15. Ливин Павел Федорович // Наука и научные работники СССР : справочник. – Ленинград, 1928. – Ч. 6: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. – С. 262.

16. Ливин Павел Федорович [Электронный ресурс] // Жертвы политического террора в СССР / Мемориал : Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество. – Режим доступа: <http://base.memo.ru/person/show/989402> (дата обращения: 19.07.2019).

17. Ливин Павел Федорович [Электронный ресурс] // Профессора Томского университета : биографический словарь. Т. 2. – Томск, 1998. – С. 273–275. – Режим доступа: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000035456/SOURCE1?view=true> (дата обращения: 18.07.2019).

18. Ливин Ф. Н. Записки сахалинского чиновника / Ф. Н. Ливин // Тюремный вестник. – 1901. – № 9. – С. 427–443 ; №10. – С. 475–503.

19. Линь де. Силуэты: Чехов / де Линь // Юг. – 1904. – 7 июля. (№ 1811). – С. 3.

20. Линь де. Силуэты: Чехов на Сахалине / де Линь // Юг. – 1904. – 14 июля (№ 1817). – С. 3.

21. Максимов С. В. На Востоке. Поездка на Амур: (в 1860–1861 г.) : дорожные заметки и воспоминания / С. В. Максимов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : С. В. Звонарев, 1871. – 594 с.

22. На деле Скитских / спец. корреспонденция «Киевлянина» // Киевлянин. – 1900. – 27 мая (№ 146). – С. 3 ; 30 мая (№ 148). – С. 3.

23. Обвинение братьев Скитских в убийстве Комарова // Вестник права. – 1899. – № 4 (апр.). – С. 202–283.

24. Определение Правительствующего Сената по делу Степана и Петра Скитских, обвинявшихся в преступлении, предусмотренном ст. 1451 и 1453 Улож. Наказ // Журнал Министерства Юстиции. – 1899. – № 1 (январь). – С. 227–228.

Настоящее дело слушалось 13/20 ноября 1898 г. в судебном заседании 4 отделения Уголовного Кассационного Департамента, докладывал дело сенатор Г. К. Репинский, заключение давал и. д. обер-прокурора И. Я. Фойницкий.

25. Полтава. Особое присутствие Киевской судебной палаты вынесло Скитским оправдательный приговор : [телеграмма Российского телеграфного агентства] // Сибирская жизнь. – 1900. – 31 мая (№ 114). – С. 2.

26. Прей Э. Л. Письма из Владивостока (1894–1930) / Элеонора Лорд Прей ; под ред. Биргитты Ингемансон ; пер. с англ. А. А. Сепелкина ; Приморский музей им. В. К. Арсеньева. – Владивосток : Рубеж, 2008. – 448 с.

27. Процесс братьев С. и П. Скитских по делу об убийстве секретаря Консисории Комарова : 3 разбирательство в г. Полтаве : Речь: Александров-Дольник, Быховский, Зеленский и Карабчевский. – Москва : печ. А.И. Снегиревой, 1900. – 209 с. – (Судебные драмы).

28. Судебная хроника. Дело Скитских // Сибирская жизнь. – 1900. – 25 мая (№ 111).

29. Томский педагогический институт, 1931-1981 / [А. А. Белобородов, Б. Г. Иоганзен, В. И. Лимонов и др.; редкол.: В. И. Лимонов (отв. ред.) и др.]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981 – 190 с.

30. Чехов А. П. Остров Сахалин : (Из путевых заметок) / А. П. Чехов. – Москва : Русская мысль, 1895. – 520 с.

31. Naumoff, an exconvict who has received 800 blows of the knout [NYPL catalog ID (B-number): b11614035] / New York Public Library Digital Collections. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : электронное. – Режим доступа: <https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47d9-48ca-a3d9-e040-e00a18064a99> (дата обращения: 18.06.2019).

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

32. ГАТО. Ф.Р-815. Оп.17. Д.1948.

33. ГАЗК. Ф.1. Оп.1общ. Д.15859. Л.142-143.

34. ГАХК. Ф.И85. Оп.46. Д.42. 23 об.-24. Актовая запись № 3.

35. ГАХК. Ф.И85. Оп.46. Д.42. Л.9 об.–10. Актовая за-пись № 3.

36. РГИА ДВ. Ф.1 Оп.1. Д.463. Л. 3.

37. РГИА ДВ. Ф.1133. Оп.1. Д.709. Л.10–24.

38. РГИА ДВ. Ф.1133. Оп.1. Д.709. Д.174.

39. АТГПУ (архив ТПГУ). Ф.566. Оп.1. Д.1600.

40. ЦГАОР. Ф.122. Оп.1. ед. хр. 2478. Л.1–10.

41. ЦГИФ Ф.1405. Оп.534. Д.279. Л.1.

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ	3
Часть I. Федор Ливин	5
Глава 1. Лучшее – враг хорошего	5
Глава 2. Тюремный смотритель.....	26
Глава 3. Громкое дело в Полтаве	41
Часть II. Сыновья Федора Ливина	85
Глава 1. Владимир	85
<i>Дом Гольденштедта</i>	88
<i>Голоса Шанхая</i>	98
<i>Французская резиденция в Шанхае</i>	111
Глава 2. Павел	114
Часть III. Внук Федора Ливина	122
Глава 1. Пять дней из жизни Павла Митта	122
ПОСЛЕСЛОВИЕ	135
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	136

Елена ДРАГУНОВА

**Федор Ливин:
загадки жизни и судьбы**

Историческое исследование

Оригинал-макет Л. К. Кисенкова

Корректор Л. А. Конжукова
Верстка Г. А. Калёнова

Издательство «КорКи'С»

<http://ys-citylibrary.ru/>
E-mail: citylibrary@mail.ru